

КРЯЧКОВ А.Э.

**СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ:
ДЛЯ «ГОЛЕНЬКИХ КОРОЛЬКОВ».**

Тщеславие имеет свою лицевую и оборотную сторону: лицевая сторона – это глупый негр, любящий пестрые побрякушки, а обратная – дурак в образе философа, ходящего на костылях. Я плачу о первом и смеюсь над вторым.

В. Гюго

КАК ВСЕГДА

Нина Ивановна Кузнецова, в обиходе баба Яга, помимо работы в поликлинике часто подхалтуривала в стационаре и на дому. В стационар известного в городе медицинского ВУЗа, её вызывали к пациентам, которые могли оплатить услуги массажистки и нуждались в качественной помощи такого специалиста. Клиенты всегда любили общаться с Ниной Ивановной, потому, что во время массажа она много трепалась и отвлекала больных от их проблем. За годы работы желающих становилось всё больше, и баба Яга научилась себя ценить. Общение со Степаном Егоровичем, а именно со Змеем Горынычем, дало ей возможность нахвататься мудрых мыслей и фраз, и часто по делу и без дела она использовала их, изображая из себя крупного психолога - знатока человеческих душ, всегда соблюдая свой имиджевый интерес. Сколько бы Степан Егорович не говорил ей и не предупреждал её закрыть свой рот и работать руками, желание изображать из себя всезнайку было сильнее, но в жизни за всё надо платить.

Вызов в клинику был неожидан и как всегда кстати. Нина Ивановна появилась на урологическом отделении с широкой добродушной улыбкой, как у себя дома. Заведующий отделением, Мулеев Тагир Рафаилович, слыл в городе большим специалистом, особенно в области оперативной техники. Отношение его к массажу было спокойным, но, зная, что руки и треп Нины Ивановны помогают больным, он часто приглашал её для работы с пациентами. В этот раз, прежде чем допустить бабу Ягу к пациенту, Мулеев пригласил Нину Ивановну к себе в кабинет.

-Дорогая, Нина Ивановна, меня не интересует, сколько Вы получите с пациента, но мне надо, чтобы он чувствовал себя как «огурчик», от этого зависит, будет ли его сын благодарен всем нам, либо мы все загремим в деревню «Пупыри»; надеюсь, Вы сможете обойтись без лишнего пустозвонства, - Тагир Рафаилович выглядел озабоченным.

-А, из-за чего такой ажиотаж? Кто такой сын нашего пациента? – баба Яга изобразила неподдельное удивление.

-Наш славный губернатор, плакат с его физиономией похожей на обезьяну, Вы, наверное, знаете, он находится на нашем пляже.

Нина Ивановна улыбнулась, она знала, что на пляже под этим плакатом любит сидеть Степан Егорович. Появление клиента, на котором можно заработать приличную сумму, порадовало бабу Ягу. Заверив в своем усердии Мулеева, она отправилась к отцу губернатора.

-Здравствуйте, как мы себя чувствуем? – Нина Ивановна проговорила это дурацкое приветствие с таким видом, что она только и думала о состоянии здоровья пациента, - Я Ваша массажистка. Зовут меня Кузнецова Нина Ивановна, я буду заниматься постановкой Вас на ноги после операции, а за одно, Вашим настроением. Думаю, что Вы не возражаете? – голос бабы Яги был приторнее мёда в жару.

Отец «хозяина города», будучи человеком простым, боль переносил мужественно, хотя иногда и поругивался матом. Он посмотрел на болтливую массажистку взглядом усталого человека, в разговор вступать не стал и сказал просто: - Делайте то, что Вы должны, а я хочу помолчать.

Нина Ивановна работала усердно, приходила каждый день, постоянно пыталась расшевелить старика разговорами. Прошла неделя, но пациент бодрее не становился, наконец, баба Яга не выдержала и спросила:

-Неужели Вы не хотите поправиться?

-Не хочу, я устал, мне стыдно за своего сына: Вы можете понять, на сколько тошно видеть, когда твой сын – в лучшем случае заурядный дворник, управляет городом и считает себя крупным градостроителем.

-Но, это же не повод, для того чтобы умирать?

-Вы, что думаете, стыд не является поводом для смерти? Как можно жить, когда люди знают кто твой сын и согласно поговорке: «яблоко от яблони не далеко падает», относятся ко мне как к последнему дерьму.

-Ну, не говорите так, Ваш сын симпатичный человек, много работает, заботится о Вашем здоровье. Взгляните на него по-другому, - в такт своим движениям вещала Нина Ивановна.

-По-другому на него смотрят те, кто лижет ему задницу. Он не может понять, что плюгавую марионетку рано или поздно выбросят, и я не хочу дожить до того дня, когда прохожие будут плевать ему в лицо, а свои деньги - пусть он засунет себе в жо.., когда окажется на моём месте, - в голосе старика слышалась боль и злость.

Прошло ещё десять дней и, казалось бы, на спокойном фоне угрюмый пациент скончался от внезапной остановки сердца. Всё отделение пребывало в панике, и были правы, репрессии наступили незаметно и, на первый взгляд, не имели отношения к смерти родителя «отца города». Начались проверки различных комиссий, которые, как принято, выявили недочёты; за этим последовали административные наказания; затем перемены в руководстве, вплоть до увольнения; затем добрались и до бабы Яги. Сначала был вызов к главному врачу поликлиники по поводу жалобы пациентки, хотя петиция была и не обоснована, но, как говорят, осадок остался. Затем было приглашение в налоговую инспекцию с объяснениями на отсутствие разрешения на индивидуальную трудовую деятельность, а затем, почему-то, стало резко уменьшаться количество платёжеспособных пациентов; Нина Ивановна почувствовала себя плохо и слегла от тяжелейшей ангины, которая привела к развитию острого миокардита. Пребывание в больнице радости не приносило и через две недели, оказавшись дома, баба Яга, первым делом, позвонила Степану Егоровичу. Ответ был короткий:

-Хватит причитать, ДЖЗ, я через полчаса приеду.

-А, что такое ДЖЗ? – но на другом конце раздавались короткие гудки

Глава первая. Тебя, дура, предупреждали?

Змей Горыныч появился, как обычно, без опоздания, посмотрев на бабу Ягу, как на что-то мерзкое и липучее, он небрежно бросил:

-Ну, ты мать, и рухлядь. Давай рассказывай, как дошла до такой жизни, а затем будем решать, что с тобой делать.

Больше часа Нина Ивановна вешала Степану Егоровичу «лапшу на уши» про то: как её никто не любит, все её обижают, как в трудную минуту её болезни телефон не звонил, в больнице никто не навещал; слезы катились ручьём из глаз бабы Яги.

-Ты закончила причитать? Ты, что думаешь, я буду тебя жалеть? Зря надеешься. И почему, как только перестаёте слушаться и попадаете в дерьмо, вы начинаете плакаться и забываете про все те основы, которым вас учил? Я тебе помогу, по старой памяти, но если ты ещё раз нарушишь наш с тобой уговор, я, мягко говоря, оторву тебе уши, для начала. Согласна? – в момент произнесения этих слов Змей Горыныч походил на своего сказочного прототипа.

-Ну, разумеется, я всегда стараюсь делать так, как Вы говорите.

-Не надо мне врать, если бы старалась, то сейчас бы не скулила, как побитая собака. Ты поняла, что такое ДЖЗ? Нет? Дура, Жаба - Зеленная - этой аббревиатуре ты соответствуешь, как никогда. Я буду так называть тебя до тех пор, пока ты не станешь человеком. Поняла? – баба Яга смиренно кивнула головой, она понимала, что спорить со Степаном Егоровичем тоже, что плевать против ветра – себе дороже.

-Ближайшие дни мы не будем с тобой ничего разбирать, ты отправишься на дачу, и будешь восстанавливать своё здоровье, как это делается, ты знаешь. Через неделю я к тебе приеду, к этому времени подготовишь мне отчёт о своих мыслях: почему ты оказалась в таком состоянии. Постарайся с подругами не общаться, больше думай и поменьше «чеши» языком – тебе это вредно. Больше пока мне разговаривать с тобой не о чем, поэтому быстро собралась и покатила к себе на дачу. Всё поняла? – у Нины Ивановны навернулись слёзы, но она героически сдерживала себя.

-Жди меня через неделю и веди себя прилично. Ты знаешь, я проверю. Пока, - Змей Горыныч исчез, как будто и не появлялся.

«Паразит, от него ждешь сочувствия и помощи, а он называет тебя какой-то дрянью», - Нина Ивановна подошла к телефону и начала названивать своим подругам, но, как назло, никто не отвечал. От обиды баба Яга налила себе рюмку черноплодной наливки и медленно начала собираться на дачу, ехать туда не хотелось, но, зная, что иначе помощи от Степана Егоровича не дождешься, переступив через своё «не хочу», она сложила вещи и лекарства и отправилась на автобусную остановку. Погода стояла отличная: нежарко, солнечно, безветрие; лето выдалось на редкость удачным.

На даче царило запустение. Последнее время Нина Ивановна редко выбиралась к своим цветам, а тем более в баню, лень было топить: всегда найдется объяснение, что нет денег на дрова или одной скучно. Участок находился на отшибе, поэтому соседей не было видно. Дел было много, за

неделю предстояло привести всё в порядок и заняться собой, вспомнив прежние назидания Змея Горыныча, пришлось сесть за составление плана.

«Ладно, какой бы он сволочью не был, но он умеет помогать», - Нина Ивановна села в беседке и начала соображать. «За неделю придётся навести порядок на участке: прополоть клумбы, подмести дорожки; раз в день придётся топить баню: надо сходить к соседям и разузнать на счёт дров; почистить и проветрить дом, а то воняет какой-то затхлостью – что-то вроде бы и не много, но делать не хочется, пойду, часочек подремлю, а потом буду думать дальше», - баба Яга знала, хотя всегда забывала о том, что если дашь себе передышку, то всё придётся начинать с начала. Сон, как и следовало ожидать, продлился не час, а до следующего утра. Нина Ивановна потянулась, взглянула на часы – было около двенадцати: «Ну, что же, ничего страшного, у меня ещё шесть дней; надо же беречь себя любимую, а сон полезен», - баба Яга повернулась на другой бок и захрапела.

Прошла неделя, но лень, охватывающая Нину Ивановну, привела к тому, что беспорядок на даче не только не исчез, но усилился; баня ни разу не топилась. Баба Яга стала походить на своего сказочного прототипа, только в пропорции два к одному. Близился день приезда Степана Егоровича, но вместо желания что-то сделать в нашей массажистке нарастало раздражение: «Да, достали меня, да пошли все..., вместо помощи, он приедет, и будет париться в баньке, а я должна вокруг него «крыльями махать» - не дождетесь; пусть сам всё делает, а я - болею».

Степан Егорович приехал не один, вместе с ним по дорожке к дому Нины Ивановны шла Лариса, та девушка, которой когда-то помог Змей Горыныч. Сейчас она училась в медицинском институте; о прошедших трагических событиях Лариса давно забыла, но отношения добросердечия с Учителем сохранялись и в случаях, когда появлялась возможность поговорить со Степаном Егоровичем, либо получить его совет, будущая врач появлялась мгновенно. Желание стать врачом выросло и окрепло после бесед с Учителем, и не столько из-за желания лечить людей, сколько из понимания необходимости изменения всей структуры здравоохранения. Сколько раз приходилось слышать разговоры своих родителей и их знакомых, благо все врачи, что медицина сегодня, как поганое болото, которое гниет желанием зарабатывания денег; как сказал один из директоров медицинского НИИ: «...врач сегодня, ожидает тяжелобольного и радуется тому, что появился ещё один клиент которого можно раздеть», такая психология похожа на размышления грабителя с большой дороги, но когда всё общество только такими желаниями и живёт становится страшно. Можно на всё закрыть глаза, можно с плакатами в руках кричать о том, как всё плохо, а можно «медленно спуститься с горы и поиметь, в переносном понимании этого слова, всё стадо», которое хочет только одного: «послаще жрать и пожирнее срать». Жесткость, а иногда и кажущаяся грубость выражений Ларисы, приводили в шок её преподавателей, но её знания и умение в любом споре оставаться победителем, заставили всех относиться к ней с уважением.

Предложение Степана Егоровича поехать на дачу к бабе Яге для того, чтобы помочь той справиться со своими проблемами Лариса встретила с радостью и мгновенно собралась.

-Все подробности и саму ситуацию будешь оценивать сама на месте. С Ниной Ивановной вы знакомы, так что думаю, у тебя быстро получится

вникнуть в суть решения задачи, - такое предложение девушку обрадовало и испугало.

Степан Егорович встретил Ларису у станции и они, не спеша, направились к дому Нины Ивановны. Стоял разгар лета, солнце пекло немилосердно, но за городом, в тени деревьев, было не душно, и прогулка доставляла истинное удовольствие.

Баба Яга вышла гостям на встречу, издали она не узнала Ларису и, про себя, подумала: «Старый пень, взял с собой какую-то девицу, а меня не спросил, хочу я с ней общаться или нет». После приветствия и момента узнавания все отправились в беседку, в такую погоду сидеть в доме не хотелось.

-Что-то за неделю ничего не сделано, наверное, плохо болеешь, - Змей Горыныч рассмеялся, бросив взгляд на бардак который творился на участке, - и не надо мне рассказывать про то, что жарко, давление пошаливает, ноги отекают, всё равно, я тебе не поверю, если бы жить хотела, то сделала бы всё то, о чём мы с тобой говорили, а так как была ДЖЗ, так ей и осталась.

Лариса, из добрых побуждений, предложила помощь Нине Ивановне, но Степан Егорович прервал её: - Пусть в течение трёх часов наводит порядок и приготовит баню, а мы с тобой пойдём к реке и поговорим; я терпеть не могу, когда меня просят о помощи, а потом не выполняют то, о чём я говорю. Ты всё поняла? – Змей Горыныч сердито посмотрел на бабу Ягу. Та, что-то бубня себе под нос, встала, и хотела было направиться к дому, но шипение и тихий голос остановили её: - Ещё раз так сделаешь, и подыхать будешь одна, - от таких слов Нина Ивановна плюхнулась на скамейку, как подкошенная.

-Да, Степан Егорович, я всё сделаю, а вы отдохните с дороги, простите меня старую, - на глазах у массажистки появились слёзы.

После того как гости ушли на реку, Нина Ивановна принялась подметать, мыть и топить баню; наводит порядок в доме и во дворе. Постепенно, выражение лица обиженного ребенка сменилось спокойствием и заинтересованностью результатом своей работы.

Тем временем, Степан Егорович и Лариса, сидя на пеньках у реки, разговаривали о том, что беспокоило девушку на сегодняшний день.

-Степан Егорович, объясните мне, что делать, меня ужасно раздражают дураки в нашем институте и преподаватели, которые берут взятки, и как с этим бороться я не знаю? – девушка вопросительно посмотрела на учителя.

-Пока тебе делать ничего не нужно. Ты должна разобраться в том, откуда что берется. Ты видишь, что наша страна, на сегодняшний день, превращается в страну всеобщего высшего образования – это то же самое, если бы курам вытягивали шеи и крылья и говорили, что они лебеди, а затем объявили бы, что эта ферма стала лебединой, но психологию кур не изменишь: как гребли под себя, так и будут грести. Следовательно, в результате формируется загубленное поколение, другими словами, что Моисей был дурак, когда сорок лет водил евреев по пустыне? Он делал это, только ради одного – чтобы сдохло поколение зажавшихся тупоголовых паразитов и появилось новое. Соответственно, тебе надо радоваться, что у вас в институте много дураков, они же не изменятся, закончив институт, получив степень, либо став профессором, а, следовательно, они будут гробить себе подобных, зачем же им мешать? Надо просто, параллельно, создавать своё и не попадать под влияние дураков, как Буратино в сказке про Золотой Ключик, - Змей Горыныч лениво закурил.

-Лариса, постарайся понять то, что ты учишься в медицинском институте, не значит, что ты должна забыть все основы, которые мы с тобой

пытались разобрать. Я пригласил тебя к Нине Ивановне для того, чтобы ты могла на её примере понять, что тебе нужно делать, а что нет. Наблюдай за тем, как я с ней буду работать, а потом мы разберем с тобой её проблемы и как их надо решать. Расскажи мне, лучше, о своей жизни? – Степан Егорович внимательно посмотрел на девушку.

-Да, интересного вроде бы ничего и нет. Родители живут вместе, по воскресеньям навещаем бабушку. Мать уволилась из консультации и работает экспертом в страховой компании, институтская подруга пристроила; отец трудится на «скорой помощи»; в мою жизнь они практически не вмешиваются. В институте не интересно и скучно, вы правы: я, действительно, забросила философию. Поговорить интересно - не с кем, а Вам звонить мне не удобно. Роман, пока, ни с кем не заводила - второй закон помню. Ну, кажется и всё, - девушка остановилась.

Змей Горыныч с улыбкой смотрел на девушку.

-Ты понимаешь, что отчиталась передо мной, как в школе перед учителем – констатация фактов, и никакого разбора. То, что мать и отец заняли своё место в жизни и нашли друг друга – это уже большое дело. Хотя по диплому они врачи, по природе они ими никогда не были. Поэтому эксперт в страховой компании – это нормально, быть чиновником от медицины – это одна из разновидностей Гоголевских «Акакиев Акакиевичей», для конкретного человека, больше и не надо. Работать врачом на «скорой помощи», в наших условиях, требует только одного – качественного выполнения инструкций, которые воплощают фельдшеризм в жизнь, для этого не надо иметь «семь пядей во лбу». То, что родители, благодаря твоей «замарочке» соединились, позволило им выполнить первые три закона: осознай кто ты, свой личный долг и свой социальный долг, а ты говоришь – скучно. То, что касается учёбы: от скуки и лицемерия студентов и преподавателей никуда не деться, но ты должна научиться пользоваться своими знаниями; я понимаю, что разговаривать о сложных вещах тебе не с кем, но это хорошо. Для того чтобы человек начал разбираться в сложных вещах он должен пережить большие проблемы и справиться с ними – на это способны единицы и то, что ты не видишь таких людей, это нормально; значит ты, либо не готова к общению с ними, либо – настолько слаба, что тебя окружают тебе подобные, как говорят: «не мир тесен, а слой тонок».

-Вы, так спокойно говорите, а от такой тоски можно сдохнуть. Неужели Вам никогда не бывает тошно? – Лариса с грустью посмотрела на Степана Егоровича.

-Я не знаю, что ты подразумеваешь под словом «тошно», - Змей Горыныч усмехнулся, - если боль, которая у тебя внутри, сначала от своей тупости, а потом от чужой, то когда-то со мной это бывало. Но если тебя будет все время тошнить, ты не сможешь ничего делать. Тошнота – это производное эмоций, а, следовательно, потеря сил. Мир надо воспринимать таким, какой он есть и, для себя, я привык основываться только на законах. Если рассматривать нашу медицину, то на первый взгляд, может показаться, что это благое дело, но если взглянуть глубже и воспринимать человека как системный объект, то окажется все наоборот. – В Ларисе проснулась заинтересованность: - чем же медицина, так плоха?

-Да сущей ерундой, - в глазах учителя промелькнул лукавый огонек, - почти никто из врачей не задумывается о том, что причина болезней, как и всех человеческих проблем, кроется в подсознании человека и, не подводя больного

или пациента к тому, что он сам должен найти и исправить, врач латает «тришкин кафтан» получая за это деньги и почести, превращаясь в мыльный пузырь от растущего самомнения или другими словами в «голенького королька» перед толпой таких же идиотов, поэтому, сама знаешь: дурака учить, что мертвого лечить, не надо доказывать своим нынешним знакомым, чего они и так не поймут, старайся на все смотреть через призму иронии.

Лариса задумчиво сидела на пенке и молчала.

-Перестань унывать, все, что я говорю, направлено на то, чтобы ты начала разбираться в людях и в жизни. Попробуй мне доказать, что я неправ: что врач, кем бы он по специальности не был, действительно заслуживает преклонения, - голос и вид Степана Егоровича источали спокойствие, так что дым от сигареты, казалось не хотел расставаться с говорившим и клубами окутывал Змея Горыныча.

-Хорошо, если человека сбила машина, и он с множественными переломами попал в больницу, где врачи вытащили его с того света, остановив кровотечения и поставив на ноги; разве они не заслуживают уважения? – девушка пристально посмотрела на учителя.

-В узком смысле – да, а в широком – я не уверен. Законы – они общие, а конкретный случай – надо рассматривать индивидуально, базируясь на том, что законы такие, какие они есть – в них нет эмоций. Предположим, что сбитый человек – террорист – убивший 300 детей в детском саду и сбежавший от стражи, будучи приговоренным, к смертной казни. Врачи его вылечили, а государство через несколько дней казнило, выходит, что врачи работали садистами, подручными у палача. На каждый твой положительный пример я найду отрицательный, следовательно, твои доводы не безупречны, а если помнишь, как написано у Кастанеда: «мы должны быть безупречны не перед людьми, а перед Нагвалем». Поэтому, как я понимаю, «врач от Бога» или как говорят: «врач милостью Божьей», вправе отказать в помощи, если он верит своей интуиции, своему подсознанию и знает, что результат по размерам своей отрицательности будет прямо пропорционален затраченным усилиям, а соответственно приведет к пагубным последствиям. На Востоке есть понятия: - у человека много сил, - у человека мало сил, - человек – смертник; и если врач ошибочно решит спасти смертника, то он вмешивается не в свою миссию, а в жизни за все нужно платить. Так что, мне жалко такого врача, - Змей Горыныч потянулся и зевнул.

-А разве врач может знать об этом? – в голосе Ларисы слышалось удивление и страх.

Истинный врач – может, но только в институтах это не преподают; наверное, некому и не за чем, так что о методике определения кто смертник, а кто нет, мы будем говорить, когда до этого созреешь, а пока могу сказать одно: Нина Ивановна у нас не смертник, а просто ленивая старая «перечница», так что можно ей помочь, но если будет себя хорошо вести, - Степан Егорович хитро усмехнулся.

У реки было приятно сидеть и не хотелось возвращаться на дачу Нины Ивановны. Лариса задумалась: «Но если не все могут понимать и владеть методиками, а Степан Егорович говорит, что будет со мной их разбирать - значит, я могу быть хорошим врачом!», - девушка улыбнулась.

-Ты слишком высокого мнения о себе, еще древние говорили, что женщина по своей природе не может быть врачом, она устроена так, что всегда стремится урвать себе кусочек чужой энергии, поэтому единственная польза от

тебя в том, что ты сможешь кого-нибудь чему-нибудь научить и единственный путь стать тебе человеком – это очень жестко и критично относиться к самой себе, - Змей Горыныч проговорил это лениво, щурясь на солнце, как сытый кот.

-А, откуда Вы знаете, что я об этом думала? – в голосе девушки слышались недовольные нотки.

-Каждый слабый и глупый человек в начале пути считает себя «пупом Земли», а ты, к сожалению, пока такой и являешься, - Степан Егорович захрустел суставами кистей рук. – Пошли, Баба Яга уже должна заканчивать уборку, не будем расстраивать «старушку».

Подойдя к садовому участку, они увидели Нину Ивановну сидящую на крыльце с граблями в руках. Пот струился по ее лицу.

-Если бы трудилась каждый день – не чувствовала бы себя такой развалиной. Сделай передышку, пошли, поьем чайку и поговорим, - Змей Горыныч направился к беседке, а женщины стали заниматься приготовлением на стол.

-Все-таки он жуткий зануда и брюзга, - Нина Ивановна медленно перемещала свое тело по кухне, перекладывая большую часть работы на Ларису.

-Не будь он таким, люди бы давно сели ему на шею, а так он держит нас на расстоянии. Женщина, как и собака, должна знать свое место, - в словах девушки звучало смирение.

-Давно ли ты так заговорила?

-Как ни странно, только тогда, когда встречаюсь со Степаном Егоровичем, у меня как-то в его присутствии не получается думать по другому.

-Голубушка, да не влюбилась ли ты в этого «старого таракана», он кому угодно мозги запудрит, - Баба Яга провокационно посмотрела на Ларису.

Лариса задумалась: последние годы, после печального происшествия, девушка часто в мыслях обращалась к Степану Егоровичу, но ей и в голову не могло придти то, что она влюблена в учителя. После пережитых неприятностей секс казался чем-то отвратительным и ненужным, а лица противоположного пола, кроме своей тупости, ничем не могли привлечь ее внимание. Сам же Змей Горыныч воспринимался как интерсексуальный субъект, являющийся абсолютным источником знаний. От таких раздумий девушка покраснела: «Как же я не заметила, что он мужчина и меня к нему тянет, а со стороны, оказывается, все видно».

-Не печалься, многих женщин неведомая сила тянула к нему. Все «бабы» хотят чувствовать рядом с собой что-то надежное и незыблемое, но не все этого заслуживают, не все преодолевают свою стержневость – подайте им денег, да побольше, и развлечений; думая, что молодость и смазливая морда, позволят им себя подороже продать, но в жизни надо за все платить. Я знаю, что он над многими издевался, наказывал за гордыню и верчение «сиськами и попками», не говоря уже о блядстве. Ненавидит он нас и не верит «нашему брату», но терпит, как мы летом терпим комаров. Жалко его, никто ведь не знает, как он живет, отшельник-отшельником, а людям зачем-то помогает. Ты, уж если влюбилась, старайся не обижать его. Он хоть и грубиян, но многие «кусали себе локти» из-за того, что расстались с ним, - монолог Нины Ивановны был трогателен. Лариса, в надежде, подумала: «а не попросил ли Степан Егорович, Бабу Ягу замолвить за него словечко», но тотчас отогнала такую мысль, Змей Горыныч был не мальчишка и все свои проблемы решал сам.

Женщины приготовили чай и прошли к беседке. Степан Егорович сидел с сигаретой во рту и смотрел отрешенно, куда-то в даль.

-А вот и мы, - радушно проговорила Баба Яга.

-Что-то ты сладко запела, опять, наверное, взялась за старое, - встрепенулся Змей Горыныч.

Лариса удивленно посмотрела на присутствующих.

-Наша Нина Ивановна является образцовым воплощением всего отрицательного, что может быть в женщине: начиная с ее «милой внешности» и заканчивая той вкрадчивостью, с которой она влезет к тебе в душу - идеальное воплощение Бабы Яги в действительности; только ступы и метлы не хватает. Помнишь, мы говорили, что когда человек хочет «подвампирить», он стремится вызвать эмоции, а какие они будут: положительные или отрицательные, значения не имеет, - Степан Егорович взял в руки чашку и улыбнулся.

-Но это не значит, что она обманывает людей, просто интуитивно чувствуя их слабые места, она хорошо ими манипулирует. Когда она не вредит, то это нормально, а когда начинает «вешать лапшу на уши», показывая, какая она «крутая», то расплачивается за это своими болячками и проблемами. Говорили ведь, закрой рот, дура. Дал Бог хорошие руки – работай ими и не лезь в то, что не для тебя. К сожалению, она не одинока, у нас вся страна такая, лучше будут изображать из себя прыщ на заднице, чем заниматься своим делом. Но это все лирика. Расскажи-ка нам Нина Ивановна, как ты дошла до жизни такой? – Степан Егорович пристально взглянул на Бабу Ягу.

-А, что, я ничего плохого не делала. Работала, как Вы говорите, руками, разговаривала, давала полезные советы, - массажистка потупила взор.

-А, кто тебе сказал, что твои советы полезные? Люди, что, просили тебя об этом? Если ты хочешь выбраться из того дерьма, в которое попала, тебе придется начинать все с самого начала и это будет хороший урок и тренировка для Ларисы; хотя, сколько вас не учи, свинья грязи найдет. Только в этот раз за все свои поступки вы будете нести жесткую ответственность, надеюсь, она вас будет останавливать от «завалов», которые вы норовите совершать с какой-то бешеной периодичностью, - Змей Горыныч закурил очередную сигарету.

-Что значит ответственность? – подозрительно спросила Нина Ивановна.

-Людей, как и животных, от дурных или неправильных поступков может останавливать только страх. Если вы занимаетесь воспитанием щенка, то за дурные действия для него существует наказание, за выполнение команд – поощрение, другими словами «кнул и пряник». С детьми ситуация аналогичная, но, сплошь и рядом, родители балуют своих детей и позволяют им садиться себе и другим на шею, превращая их в таких же сволочей, какими, на сегодняшний день, они и являются. А затем мы слышим жалобы о том, что один ребенок стал наркоманом, другой убийцей и т.п. К сожалению, демократия рассчитана на то, что под внешней благовидностью существует вседозволенность, так, если ты силен, то ты, в первую очередь, требователен к себе, а затем к другим. Если ты вор, то позволяешь и другим воровать, в надежде на то, что судьбы окажутся такими же ворами и тебя не накажут; возьмите пример нашего предпоследнего президента. Так и матери, воспитывают своих детей шлюхами и ворами, прикрывая свое прошлое фиговыми листьями трудного существования при социализме, - во время монолога в глазах Степана Егоровича появился недобрый блеск.

-Дорогой, не волнуйтесь так, мы же послушные, мы много раз убеждались в том, как вы нам помогаете, - Баба Яга изобразила из себя «самую покорность».

-Если бы я волновался, то с тобой бы не разговаривал. Каждый человек для другого является подопытным материалом, так и ты являешься подопытным материалом для Ларисы, но взамен получаешь решение своих проблем, ДЖЗ, - Змей Горыныч усмехнулся, - таков закон эквивалента.

-Все-таки, Степан Егорович, о какой ответственности идет речь? – Лариса решила вступить в разговор, чтобы защитить Нину Ивановну.

-Ответственность – это страх наказания за совершение неправильных действий и за несовершенство правильных; страхи бывают трех видов: ситуационный страх (различные фобии), страх боли и страх смерти (как собственной, так и своих близких); чем сильнее человек, тем большую ответственность он должен на себя взять. Но, чтобы не было глупости, начинать надо с простого, - со стороны учитель был похож на армейского старшину, разговаривающего с новобранцами.

-Степан Егорович, Вы весь день какой-то сердитый? Может, у Вас что-нибудь случилось? Мы Вас таким никогда не видели, - Баба Яга старалась смягчить разговор.

-Если вы хотите в жизни чего-нибудь добиться – самое главное научиться терпеть. К счастью, ничего особенного не произошло, но с каждым днем я убеждаюсь, что помогать людям, играя с ними в «Сю-Сю и ля-ля», приводит только к тому, что они ничему не учатся, но начинают считать себя крупными специалистами в области философии. Так, что я решил поменять манеру общения и стать более жестким, надеюсь, вы это выдержите, - Змей Горыныч так нежно посмотрел на женщин, что на их щеках проступил румянец.

-Все равно, Степан Егорович, Вы как-то изменились. Почему у Вас появилось желание многое поменять? – Лариса заметила внутреннее раздражение Змея Горыныча.

-К сожалению, такие мысли появляются, когда люди получают то, что хотят, а потом забывают про все законы. Двадцать процентов неудач неизбежны, но хочется, по возможности этот процент снизить, - Змей Горыныч сделал глоток чая, на минуту замолчал и закурил новую сигарету. – Вы помните, наверное, историю про Катю и Адуля? Казалось бы, все должно было идти нормально; но в женщинах «маленький их Я» настолько силен, что «ветер, дующий между ног» у Кати превратился в тайфун. Неделю назад, ее и ее любовника нашли с перерезанными шеями в одной из гостиниц в Ницце. Адуль в это время был у отца в другой стране; по заключению полиции причина убийства ограбление, но как вы понимаете, последовало наказание за нарушение закона. Спрашивается, зачем помогать людям, если они говорят одно, а делают совершенно другое? Поэтому теперь я буду помогать людям только при жестком соблюдении закона эквивалента: либо деньги, либо отношение, либо ответственность. Ну, как, теперь понятно, почему я стал жестче? - Степан Егорович улыбнулся, - Так, что думайте.

Глава вторая. «Все мы бабы – СТЕРВЫ ...»

-Степан Егорович, давайте, я Вам баньку протоплю, а вы с Ларисой немножко пошепчетесь? – Баба Яга производила впечатление самой покорности.

-Я думаю, мы сделаем наоборот: вы вдвоем попаритесь и посплетничаете, заодно, поучишь девушку делать массаж, а затем в баню схожу я, хочется верить, что в бане мысли в ваши головы будут лучше приходить, - Змей Горыныч снова принял спокойное состояние, и его лицо излучало миролюбие и добродушие.

Уже в бане Нина Ивановна, обращаясь к Ларисе, проговорила:

-После того, что он наговорил, становится страшно, а если я не справлюсь, мне что, из-за этого подыхать?

-Что Вы так волнуетесь? Меру ответственности мы будем выбирать сами, а значит, она должна быть пропорциональна действию. Никто не говорит, что если Вы не навели порядок, как обещали, то у вас должны отсохнуть руки, просто, по закону эквивалента, вам придется наводить порядок в пять раз большего объема, а если и это не сделаете, тогда можно подумать и о руках, - девушка мягко улыбнулась.

-А, если я не соглашусь, то с моими проблемами мне придется справляться самой? Хорошенькое дельце, я так ноги протяну, - проговорила Баба Яга, усиленно нахлестывая Ларису вениками.

-Но, если не вводить стимулы, то мы не хотим ничего делать, и все намеченное откладываем на последний момент или делаем что-нибудь неправильное и думаем, что никто не узнает. Как ни противно, но Змей Горыныч прав, наша бабья манера «нихрена» не делать, трясти своими телесами, покаяфовой одеваться, послаще жрать, ездить на дорогих машинах, обвинять во всем мужиков и думать, что мы от рождения все это заслужили, привела к тому, что куда не посмотришь – все так живут, а потом жалуются на свои проблемы, - Лариса повернулась на спину.

«Хороша зараза и щебечет, как по написанному, но что-то я ей не верю», - подумала Баба Яга, продолжая орудовать вениками.

-Голубушка, а что это ты так заговорила? Такое впечатление, что ты у нас просто ангел во плоти. Неужели ты думаешь, что ты другая? Я понимаю, Степан Егорович, человек, который в жизни, немало шишек получил, но ты повторяешь его слова и думаешь, что они твои; но ты, пока, просто репродуктор. От того, что ты рядом с «тигром» не превращайся в шакала и не питайся объедками. Лучше бы рассказала бы ему о себе всю правду и не строй из себя «белую и пушистую», он все равно видит тебя насквозь, но делает вид, что не замечает,- Нина Ивановна начала делать Ларисе массаж.

-Откуда вы знаете, что я другая? – девушка подозрительно посмотрела на Бабу Ягу.

-Какая бы ленивая или больная я бы не была, но я все-таки Баба Яга и неплохо соображаю. Когда Степан Егорович сталкивает двух людей, то у них, как правило, схожие проблемы; если я ленивая, старая, алчная и больная, то ты, наверное, такая же, хотя и не хочешь в этом признаваться. А если я страшная и мужики меня давно не интересуют, то по закону маятника, ты мой антипод, то есть, просто маленькая шлюшка, хотя ты это тщательно скрываешь. К сожалению, наши проблемы, нас ни чему не учат, и как только, у нас все нормализуется, мы забываем наши долги и законы, такова наша память. Поэтому Змей Горыныч прав, чтобы мы были людьми, нужно брать жесткие обязательства и уметь отвечать за свои поступки, - в голосе Нины Ивановны сквозила грусть.

Лариса думала сначала обидеться, но, поразмыслив, спросила массажистку:

-Но если вы заметили какая я, то значит Степан Егорович, видит это и давно.

-Поэтому он и живет один и ненавидит нас, лживых баб; только непонятно, почему он помогает тебе. Законы для всех едины, значит и у него есть половина, но я не знаю, как он это определяет, поэтому могу только догадываться. Но я не радуюсь за него, если этим «счастьем» окажешься ты. Но, как говорят: «каждому овощу – свой фрукт», а для того чтобы тебя воспитывать надо «не одни зубы съесть» - Нина Ивановна тяжело вздохнула.

-Почему же он мне ничего не говорит?

-Это его проблема, наверное, ждет чего-то; пока плод не созрел, его срывать нельзя, - Баба Яга усмехнулась.

-А, если все не так, и я не имею к нему никакого отношения?

-Может, тогда тебе надо просто работать над собой, чтобы стать человеком и когда-нибудь это выяснится, - Нина Ивановна продолжала улыбаться.

-Хорошенькое дельце, мы с вами, как две дуры, пришли к тому, что ничего не знаем и находимся в каком-то дерьме, - расстроено проговорила Лариса, одеваясь.

-Так, что придется брать обязательства и пахать. Смешно получилось: две стервы «развели» друг друга, - хохотнула Баба Яга, - Все-таки хитрый он мужик. Получилось как на псарне, собаки погрызлись, а хозяин и не вмешивался. Наверное, с нами, бабами, так и надо.

Глава третья. Все начинается с «геморроя».

Женщины вышли из бани, и подошли к беседке, где сидел Степан Егорович.

-Ну, как попарились? Удалось ли пообщаться? – Змей Горыныч хитро улыбнулся. – Надеюсь вы поняли, что друг от друга, по сути, ничем не отличаетесь, две стороны одной медали. Я думаю, что если вы вместе поживете на даче, дней десять, вам будет о чем поговорить и чем заняться; и мне бы очень хотелось, чтобы за это время, вы бы проговорили и вытащили из себя то г... которое внутри вас разрослось, а баню я сегодня проигнорирую, приеду через десять дней, тогда посмотрим.

-А как же я? – удивленно спросила Лариса.

-Родителей я предупредила, практику ты закончила, а от своих тусовок немного отдохнешь, - Степан Егорович не по доброму посмотрел на девушку так, что та решила промолчать и выполнять то, что говорят. – Я оставлю вас на десять дней, за это время: на даче должен быть наведен и поддерживаться порядок; Нина Ивановна ежедневно будет наводить порядок, по утрам ходить на ферму за молоком, днем ходить на речку, три раза в неделю принимать баню, ежедневно массаж (пусть Лариса хоть чему-то в жизни научится) и постоянно вести беседы, говоря друг другу правду и поливая грязью; так как вы внутренне похожи, хотя и являетесь противоположностями: друг для друга будете зеркалами. Лариса за это время научится делать все, что будет говорить ДЖЗ, и не дай Бог, будет перечить. В разговоре со мной ты прикидываешься «девочкой не целованной», я тебе поддакивал, но мне это надоело, поэтому, в беседах с Бабой Ягой, постарайся понять, каким ты стала дерьмом. Ну, вроде бы и все, увидимся через десять дней, провожать меня не надо, «нипучочка», - Степан Егорович мягко улыбнулся, встал и направился к калитке.

- Да, такого поворота я не ожидала, - задумчиво, проговорила Лариса.

- «Кому сейчас легко». Давай спланируем, как мы будем существовать, за что будешь отвечать ты, а за что я; когда и в какое время будем совершать то, что нам рекомендовал «дорогой наш Степан Егорович», - Нина Ивановна лениво потянулась.

- Но почему он назвал меня дерьмом? Ничего же плохого он обо мне не знает, - на глазах у девушки появились слезы.

- Если ты сама что-то знаешь плохое о себе, то значит, знает и он, это его работа – читать чужие мысли. Как он этому научился - непонятно. Так что, нечего реветь, давай немного приберемся в доме, а вечером, за чашкой чая, и поговорим; видать, ты девка, действительно непроста, раз в такой очаровашке: с такими формами, с такими глазками, с таким детским личиком, скрывается «нечто». Змей Горыныч дерьмом зря не называет, - Баба Яга спокойно улыбнулась и направилась к дому.

На крыльце Лариса остановилась и присела на корточки, схватившись за живот: - Нина Ивановна, у меня раньше времени пришли месячные, но как-то очень болезненно и обильно, я никак этого не предполагала.

- Ну что, поздравляю, процесс чистки начался. Ты знаешь, чем женщины отличаются от животных? У самок кровянистые выделения или «течка» существуют для привлечения самцов для продолжения рода, у женщин же, это «слезы по не начавшейся беременности», они существуют, как самопроизвольное кровоупускание, для того, чтобы убрать из организма лишнюю «чернуху». Не даром говорят, что женщина перед месячными стерва, а после - просто ангел. Я схожу в ближайшую аптеку, в поселке – есть, куплю прокладки, а ты пока полежи и подумай; в шкафчике над холодильником есть обезболивающее и сокращающее, можешь пока принять.

- Спасибо, приходите, пожалуйста, скорее. Я посижу в беседке, мне как-то без вас одиноко, - Лариса, как ребенок посмотрела на Бабу Ягу.

- Хорошо, голубушка, я мигом, - Нина Ивановна не торопясь, поковыляла по дорожке дачного участка.

«Да уж, действительно, заработала геморрой на свою голову, ехала выпендриться, помочь человеку, а на самом деле показать какая я умная и всепонимающая, а получилось наоборот: назвали дерьмом, оставили на десять дней работать над собой, да еще и раскровилась. Господи, ну почему же я такая дура?» - девушка прилегла на скамейку в беседке.

Глава четвертая. Исповеди.

Вечером обе женщины сидели на веранде, погода была теплая, комары и мошкара не одолевали. Какое-то время длилось молчание.

- Нина Ивановна, у меня есть идея, я придумала расписание нашего существования, - Лариса повернулась к Бабе Яге.

- Ну, и что же умное ты придумала? – в глазах массажистки скрывался ленивый вопрос.

- Первую половину дня мы будем заниматься организационными вопросами и тем, что сказал нам выполнять Степан Егорович. Вы будете командовать, я буду подчиняться. Вечерами и ночами я соберу свои мысли в кучку, все то г..., которое накопилось во мне за последние годы и в течение пяти дней изложу все это на бумаге, а потом прочту вам; вы можете сделать то же самое. Затем мы друг другу расскажем, что обо всем об этом думаем.

- Идея хорошая, только из меня плохой писатель, давай ты напишешь, а когда будешь мне читать – я буду комментировать и рассказывать о себе, но днем и ты меня подгоняй, а то, ты же знаешь, я очень ленивая, - Баба Яга улыбнулась. – Если хочешь, можешь начать прямо сегодня, а я немного повяжу и подумаю, договорились.

Девушка поняла, что Нина Ивановна приняла ее предложение, потянулась и отправилась в дом.

- Я поставлю будильник, часов на семь, так что готовься, - сказала Баба Яга в след уходящей Ларисе.

На столе лежала стопка бумаги и ручка. Девушка пыталась сосредоточиться, но мысли постоянно разбегались и отвлекали ее на всякие мелочи: звуки за окном, узоры на шторах и обоях, полет мухи.

«С чего начать, наверное, с того момента, когда я поступила в институт. Два последних года в школе, я проучилась без особых проблем: была тихоней, друзей и подруг у меня не было; по тусовкам я не ходила, все больше читала, но самое странное, за это время я вытянулась, у меня выросла грудь, появилась приятная округлость бедер. Гадкий утенок превращался в лебедя, точнее «сраную леблядь».

В институт я поступила без особых проблем, но тут я столкнулась с большим количеством детей богатых родителей, их привозили личные шоферы и охранники. Дорогие машины, дорогая одежда и в разговорах только одно: деньги, деньги, деньги. Из-за моей внешности на меня сразу же начали обращать внимание, постоянно куда-нибудь приглашать. Мне говорили: «что ты жмешься – валяй, с твоей моськой, буферами, жопой и фигурой, богатенького подцепить, как два пальца «облизать», а дальше опустишь его на бабки и вся жизнь у твоих ног» и я сломалась. Я стала превращаться в дерьмо, в кобылу, в «девушку VIP класса», ну что я за говно.

Сначала я приглядела слащавого мальчишка, маменькиного сыночка, его привозил охранник на новеньком «вольвешнике», внешне он очень походил на девочку: русые кудряшки, голубые глазки, длинные реснички, румяные щечки. Весь на понтах, в модном прикиде, со слащавой улыбкой на лице; отец его был какой-то шишкой в нефтяном бизнесе, а мать – жирная, вонючая «тетя Соня», проживала и проматывала деньги мужа за границей. Мальчик стеснялся, не еврейского, а именно жидовского происхождения своей матери, и всегда избегал вопросов о ней. Но как не крути, мне всегда нравился вопрос: откуда у русского человека может быть фамилия Попугаев, так и здесь, мне было смешно смотреть, как этот «дурик» изображает из себя бывалого европейца, будущую надежду и оплот России.

В первые недели учебы он «подкатил» ко мне с предложением куда-нибудь сходить, в какой-нибудь дорогой клуб, и я согласилась, хотя вскользь заметила, что мне, особенно, не в чем идти. У меня стало появляться отношение к мужчинам, как к скотам, от которых нужно получать деньги за то, что тебя трахают; не обращать на это внимание, а создавать из себя «куколку», принцесочку, которая должна получать то, что хочет, не слышать отказа, т.к. уже от рождения, ей все позволено. Иметь поверхностное представление обо всем, чтобы вести на «тусовке» светскую беседу, и высокопарно говорить о «красоте», хотя не иметь ни малейшего представления, что это такое.

Четыре месяца я «опускала на бабки» этого малолетнего идиота-аристократа; он ходил за мной хвостом, готов был лизать мне пятки, лишь бы держать меня за ручку. Пару раз я ему отдалась, после чего его радости не было

предела. Таким образом у меня появилась возможность одеть себя так, как я считала необходимым: особая страсть у меня появилась к фирме «Шанель», ее одежда и все аксессуары позволяли выглядеть миленькой девочкой, которая нуждается в заботе и ласке. Я поняла, что чем более высокомерно и капризно ведешь себя с богатеньким дураком, тем больше для тебя он готов сделать.

Я начала заниматься «фитнесом». Мне было приятно видеть как мужчины смотрят на меня, как голодные псы, когда я в облегающем спортивном костюме делаю упражнения так, что моя грудь не может остаться незамеченной. Особенно забавно за ними было наблюдать, когда я в купальнике, вспотевшая от нагрузки шла в сауну. Я стала считать себя настолько неотразимой, что многие со мной перестали общаться, а мужики липли ко мне как мухи на мед (или говно, трудно сказать).

Посещая фото-студию, я пыталась выработать походку, изучала макияж, училась мимике, манерам общения и прочей фигней. Пока я маялась всей этой дурью, времени на учебу в институте катастрофически не хватало; благо на сегодняшний день, заплати нашим нищим преподавателям, хоть сто долларов, они за тебя будут ходить на занятия и сдавать экзамены, что к окончанию семестра мой дурик и сделал; он оплатил все и у меня не было никаких проблем.», - Лариса оторвалась от своей писанины, взглянув на часы, она заметила, что время пролетело незаметно и уже три часа ночи. Прочитав написанное, ей стало тошно и противно от самой себя.

«Ну я и сука. Сколько же еще помоев на себя мне придется вылить. Как здорово, когда никто не знает, что ты, на самом деле, из себя представляешь, но когда человек, который когда-то тебе помог, и он же единственный человек, которого ты уважаешь, называет тебя дерьмом, то легче провалиться сквозь землю, чем смотреть ему прямо в глаза.

Как в Степане Егоровиче все начинает раздражать: то как он говорит, смеется, курит, его движения, одежда, все, все, все, но почему-то только тогда, когда чувствую, что сама не права и вместо того, чтобы извиниться, хочется наговорить ему гадостей и послать подальше так, как я привыкла поступать с мужиками. Мамочка, ну почему я такая гнида», - девушка уткнулась в подушку и заплакала. Не прошло и двух минут, как она заснула.

Следующий день, прошел, как и было запланировано, а вечером Лариса села за свои записи снова.

«На зимние каникулы я съездила с моим маленьким глупышом в Египет; зимой же надо было погреться и позагорать. Мне нравилось блистать своими философскими взглядами. Это сейчас смешно и без содрогания трудно смотреть, как малолетняя «кобыла» лежит на шезлонге у прекрасного бассейна, оголив для всеобщего обозрения свой бюст, потягивает коктейль, в промежутках затягиваясь дорогими дамскими сигаретами и вещает окружающим ее, таким же кобылам и богатеньким молокососам, уставившимся на ее грудь, умные мысли от древних философов, которым она натаскалась из книг и в общении со Змеем Горынычем. А чего стоили надутые губки, ведь сколько сил нужно было потратить, чтобы научиться их надувать, постоянно выпячивать и нежно облизывать их язычком, так чтобы у мужчин трепетало все их мужское достоинство. Бедный мальчик, как он, наверное, настрадался пребывая рядом с такой дурой, хотя, каждому «овощу свой фрукт» - он общался с таким же дерьмом, каким был и сам.

Каникулы закончились, роман с мальчиком был скучен, хотелось новых впечатлений. В поле зрения появился молодой, крепкий, самостоятельный

хозяин строительной фирмы. Крутить романы с двумя было забавно, что такое любовь, я не понимала, как наверное и сейчас, а обманывать мужичков оказалось не сложно, благо они сами себя обманывать рады. Меня радовало то, что я не знала никаких материальных проблем, все мои капризы удовлетворялись мгновенно, но к сожалению нужно было заниматься сексом. Удовольствия от этого я не получала и не получаю, мне кажется, что мое влагалище, рот и прямая кишка существуют для того чтобы в них что-то засовывали, при этом я должна возбужденно охать и за это получать все блага жизни. Как я завидовала, когда читала про женский оргазм в книгах или слышала рассказы об этом от знакомых девиц. Сколько часов я провела в ванной, пребывая в своих мечтах и занимаясь онанизмом, но кроме легкого клиторического оргазма мне так получить ничего и не удалось. Мне было интересно слушать разговоры о сексе, хотелось понять, какое удовольствие от него получают мужчины; я создала для себя стобальную шкалу владения сексом, и поняла, что в лучшем случае я могу набрать тридцать баллов, а по этому надо на многое закрывать глаза, врать и притворяться. Моя чопорность и брезгливость заставляли меня изображать из себя девочку с низким порогом болевой чувствительности, с выраженным рвотным рефлексом, но, что касается романтизма, «красоты», различных сю-сю и ля-ля, в этом мне не было равных. Вся прелюдия отвлекала меня от мыслей о сексе и уводила в мир грез, где я была маленькая царевна, и понежиться с моим телом было высочайшей наградой, которой достаивался тот, кто мог создать мне беззаботную жизнь, не прося ничего в замен, ведь я же ПРИНЦЕССА.

На протяжении двух лет я крутила мужиками, как хотела. Забросив институт, я много времени проводила, посещая магазины и салоны, главное, чтобы они были подороже и часто рекламировались. Так как мужчины «шоппинг» не любят, мне давались деньги и я была свободна. Как приятно чувствовать себя крутой, что можешь все купить и при этом на тусовках говорить, что деньги это грязь, которая ко мне не прилипает: «я же не жадная и не скупердяйка, я их свободно трачу и не думаю о них». А ведь, это ложь. Я готова удавить того, кто попытается у меня забрать любимую вещицу или не даст мне ее купить; и то, что она нужна мне только для создания моего антуража-«красоты» и то, что на те деньги, которые я на нее потратила, обычная семья может прожить год, а мне она нужна только для того, чтобы «поблестеть соплей на солнце», наводит на гнусные мысли, но от них бежишь, находя оправдание в том, что я же такая «супер-пупер». «Не смей трогать меня, не прикасайся, отвяжись, нахал, хам» - стали моими расхожими выражениями. Для пущей солидности я стала поругиваться матом: это позволяло чувствовать свою аристократическую интеллигентность, а когда говорили, что женщина ругающаяся матом – сексуально неудовлетворенна, я чувствовала себя образцом для подражания.

Но состояние неудовлетворенности и скуки терзало меня, во мне проснулся инстинкт охотника; мне стало нравиться не только заводить новые романы с богатенькими мужичками, но большее удовлетворение я получала, когда уводила от своих подружек их парней. Я понимала, что многие меня ненавидят, но это меня только раззадоривало. Как приятно, сидя на стуле напротив приятеля подруги, изогнуться, потянувшись, так чтобы оголился живот, и грудь поднялась выше носа, объясняя свои действия тем, что сильно затекла спина; в то время как мужчина должен был оценить всю мою гибкость и грациозность» - еще один день в самоистязании заставил Ларису полночи не

спать, а просидеть с сигаретой на веранде. Баба Яга девушку разговорами не доставала, на своем опыте зная, что в такие минуты к человеку лучше не подходить.

Лариса же, просидев с опухшим от слез лицом, под утро начала себя успокаивать, приговаривая: «У меня все хорошо, я ни чуть не хуже других, многие делают большие гадости и ничего, а я ни кого не убила, не ограбила; я – ХОРОШАЯ».

Девушка проспала до двух часов дня. Нина Ивановна занималась хозяйством. Она обратила внимание, что чем больше мучается Лариса, тем легче становится ей самой.

«Неужели, все мы бабы такие стервы – нам становится лучше, когда другим хуже и наоборот; мы только умеем лицемерить, что нам кого-то жалко; что у нас болит душа за успехи других, а на самом деле, получается как у зрителей в цирке: мы радуемся не успеху артиста, а его провалу», - Баба Яга глубоко вздохнула, «Ничего, пусть девица помается, ей это полезно, сделаю вид, что вся ушла в домашние дела, когда созреет, сама заговорит».

Лариса извинилась перед Ниной Ивановной за то, что проспала, перекусила и активно начала помогать. Вечером, в бане, делая массаж Бабе Яге, девушка сказала:

-Нина Ивановна, мне так тошно. Вы, наверное, тоже чувствуете, какая я сука?

-Ну, то какая ты, не мне судить, но я бы не хотела, чтобы у меня была такая невестка. Не будь мы знакомы, ты бы пальцем о палец не пошевелила, случись что со мной; стакана воды от тебя не дождешься, а если попросишь у тебя хлеба, то дашь камень. А так, ты девка ничего – тебя только по телевизору смотреть или в кино, или твою фотографию в голом виде поместить в мужской журнал и отправить в воинскую часть, чтобы мальчики перед сном руки тренировали, - массажистка зло усмехнулась, - Да ты не расстраивайся, это я от зависти такая, старая, дохлая и страшная уже. А так, как поет одна мадам: «...все мы бабы – стервы... Кто у нас не первый, тот у нас второй...», а каково? Потри мне спинку, а за это, как говорят бабульки в банях, дай Бог тебе мужа хорошего, - обе женщины рассмеялись.

После ужина Лариса снова села за свою исповедь, практически все женщины или девушки вели дневники или делали заметки о своем житье-бытье, многие их потом сжигают, но если все написанное взять собрать в одну книгу, упростить и вытащить одну суть, то эта книга превратится в рулон использованной туалетной бумаги – слезы, сопли, сперма, грязь, кровь, одобренный ароматом дешевого женского парфюма, и больше ничего.

«Ложь и обман стали основой моего существования. В голове начали формироваться шаблоны для общения с мужчинками, подругами-«кобылами», бывшими жертвами моего лицемерия. Жалость к людям исчезла, я стала черствой, чопорной, бесстыжей, бессовестной потаскухой. Когда один из моих приятелей разбился на мотоцикле, я с лицемерными слезами пришла навестить его в больнице. В моем сердце ничего не екнуло, ну лежит парень на вытяжке, ну весь в гипсе, ну и что! Но я научилась изображать из себя сострадание, высокую нравственность и самопожертвование. Люди, которые впервые со мной сталкивались, не могли поверить, что я обману кого угодно, обведу вокруг пальца, и никто не заподозрит, что такой «ангел», как я, может быть такой змеей.

Когда мне становилось скучно, а это было почти всегда, я тусовалась по ночам, по клубам. От безделья и наличия денег, я постепенно пристрастилась к наркотикам, но, считая себя высокоцивилизованной дамой, я предпочитала кокаин; элегантная табакерка, в виде медальона с саламандрой, располагалась у меня на груди, и т.к. чужие взгляды были прикованы к моему бюсту, никто не мог заподозрить, что находилось между моими телесами.

Деньги у меня были всегда, я чувствовала себя самостоятельной. Мои «партнеры», по клубам ходили со мной редко; они не любили мои тусовки, поэтому чувство свободы переполняло меня. Нанюхавшись и напившись, я готова была ехать куда угодно и с кем угодно; мне было все равно, что за мужчинка был рядом со мной. Я готова была отдаться кому угодно, лишь бы не было скучно: на лестнице жилого дома, в лифте, в машине на оживленной улице, в магазине.

Я никогда не думала, что происходило с теми, кого я бросала: мужчины – это отбросы, зачем о них думать. Что такое быть ласковой и нежной, я представления не имела. Главное навести в помещении и на себе «красоту», приготовить ужин из продуктов, которые нельзя испортить, свечи, музыка, вино, беседа о чем-то возвышенном, ну а потом можно заняться и любовью. Я думала, что минет является наивысшим показателем моей нежности. Если бы кто-нибудь мог знать, какую брезгливость и тошноту эта «процедура» во мне вызывала, но «любишь кататься, люби и саночки возить», хорошо еще, что волосы во время того... закрывали мое лицо, а глаза были прикрыты. А если человек начинал меня раздражать: не говорил мне, какая я замечательная, красивая, обаятельная, умная; не баловал меня, потакая моим «хочу», я становилась маленькой капризной стервой: могла хамить, бить посуду, изображать из себя недотрогу, которая устала и хочет спать. И я в это верила! Почему меня никто не остановил? Неужели всем такая поганая шлюха нравилась? Разве таким поведением я не заслужила какого-либо страшного наказания? Или все это ждет меня впереди? Почему же я раньше не задумалась об этом? А если уже поздно? Что же будет?» - Лариса начала биться в истерике. У нее поднялась температура, выступил холодный пот; головная боль стала настолько нестерпимой, что она, обхватив голову руками, стала кататься по полу. Тело билось в судорогах. Сначала плачь и стоны были тихие, но на раздирающий душу крик, вбежала Баба Яга.

- Что ты орешь, как резаная? – Нина Ивановна удивленно смотрела на девушку, - Совсем ополоумела? Пошли в баню, я оболью тебя холодной водой, а потом ты мне расскажешь, что случилось.

После обливания Лариса несколько пришла в себя, и, сидя в беседке, начала членораздельно говорить:

- Я больше не могу заниматься самокапанием. Мне кажется, что я схожу с ума, я больше не вижу в себе ничего чистого и светлого, а это только мизерная часть того, что я совершила, - голос девушки начал дрожать.

- Успокойся, чем больше грязи ты в себе найдешь, тем лучше тебе удастся отмыться. Мы все через это проходили, думаешь, я была ангелочком? Когда мне впервые помог Степан Егорович, я была воровкой и проституткой. «Клофилинница», наверное слышала о таких, но после того как отсидела, начала задумываться о том, что спускаю жизнь в унитаз и тут столкнулась со Змеем Горынычем. Он помог мне поверить в себя, я окончила мед. училище и стала работать. В результате своей глупости, я осталась бездетной и незамужней, но за то, я научилась помогать людям. Да, трудно, но для чего-то

мы живем. Заниматься другими – радости мало. Я, ведь, тоже часто не выдерживаю и «заваливаюсь», превращаясь в полнейшую дуру, а он нас вытягивает. Мы, бабы, распустились, ведь, до неприличия. Знаешь, как в Коране сказано, женщин нужно бить еженедельно, особенно по пятницам, чтобы изгонять из них чертей. И, правда, дай нам волю, мы меры не знаем, если гадим, то так, чтобы самим тошно было. Так что, избивай себя сама, а послезавтра начнем разбирать твоё житие-бытие, глядишь, постепенно тебе и полегчает, - Баба Яга зевнула и потянулась, - А, пока, пошли спать, завтра много суеты, поэтому надо пораньше встать.

Девушка всю ночь ворочалась и не могла уснуть. Мысли о том, как измениться, как изменить о себе впечатление, не давали уснуть. «Как можно исправить то, что уже совершено? Степан Егорович научил стирать предыдущую жизнь, но ничего не получается. Я чувствую, что тону, но не могу крикнуть, не могу пошевелиться. Неужели я так и сдохну мерзкой, разложившейся кобылой?» - Лариса тихонько рыдала в свою подушку.

Суета следующего дня, немного отвлекла, но вечером, сев перед своей писаниной, девушке стало страшно.

«Все, что перед этим я написала, было сущим пустяком, по сравнению с тем, что я начала творить дальше. Меня понесло, я не могла остановиться: если от меня так «торчат» мужчинки, значит и женщины недалеко от них ушли. Я стала наблюдать за подружками-кобылами и поняла, что они не прочь со мной пофлиртовать. После пары раз лесбийского сексуального общения, я поняла, что в этом есть своя прелесть: женщина быстрее удовлетворит партнершу, чем мужчина, т.к. она может перенести все ощущения на себя, но чего-то мне все равно не хватало. Наверное не было тех трепетных вибраций, которые я вызывала в мужских особях, да и денег это не давало, поэтому я, достаточно быстро, с этим завязала. Секс – ничто, лучше управлять, повелевать, капризничать, строить из себя вершину целомудрия, удивляться своим ошибкам, говорить при этом: «ну, что вы, этого не может быть; как вы можете обо мне такое подумать; я устала и хочу спать, давайте поговорим об этом потом», и это - «потом» стало основой для всех ситуаций, когда меня могли чем-то задеть. Когда в меня влюбился один из суперменов входящий в пиаровскую элиту, я прикинула, что мне, наверное, пора выйти замуж и начала с ним длительную игру, проверяя его на жадность и мои сумасбродства. Он все выдержал, и я сказала ему, что выйду за него замуж, если он мне подарит квартиру. Он удивился, но подарок сделал и после его возвращения из-за граничной командировки, мы запланировали нашу свадьбу. Перед его отлетом мы поругались и я про себя подумала: «чтоб ты там и остался». К своему ужасу я узнала, что вернувшись, он насмерть разбился на автомобиле, по дороге домой. Но ужас мой был не от того, что его не стало, а от того, что мне нужно будет общаться с его родственниками, заниматься похоронной суетой. Я сразу же прикинулась больной и девять дней не выходила из новой квартиры, хотя продолжала, втихаря, принимать любовников и подарки», - написав эти строки, девушку передернуло. «Осталось написать основное, и можно будет остановиться», - Лариса судорожно порылась в своей сумочке, достала пачку «Vogue», которая всегда была при ней, хотя она и не была заядлой курильщицей, вышла на веранду, села на ступеньки и смачно закурила.

- Что-то ты, голубушка, совсем раскисла, - проговорила Баба Яга, неожиданно вышедшая из-за угла дома, - давай-ка, выпьем наливочки, тебе полегчает, да и поешь с аппетитом; я испекла пирожки с солеными грибами, с

палтусом, с черникой, вкуснятина, пальчики оближешь. Я, как-то, угостила ими Степана Егоровича, так он их уплетал с такой скоростью, что одно загляденье было смотреть. Так что, нечего из себя строить жертву террора, давай встрепени своими телесами, пойдем лучше делом займемся, - в голосе Нины Ивановны была уверенность и спокойствие.

Девушка, молча, встала и как замороженная, побрела в беседку за Бабой Ягой.

Сначала, Лариса ела и пила совершенно машинально, но по мере того, как начала действовать наливка, глаза девушки заблестели, щеки зарумянились и она разговорилась.

- Нина Ивановна, абалденно вкусно. А вы научите меня так готовить? Это, наверное, так здорово приготовить что-нибудь простое и очень вкусное для своего любимого, своего единственного и смотреть, как он это с восхищением уплетает и знать, что никто для него такого не сделает и быть от этого самой счастливой.

- Ну, слава Богу, хоть что-то разумное начала говорить, а то, я уж подумала, что ты скоро шизнешься. Конечно, научу, но самое главное, чтобы было для кого готовить, да и чтоб ты сама была не куском дерьма. Вот, к приезду Змея Горыныча и приготовишь: хохляцкий борщ с пампушками, а я достану хорошего сала, горилки и молодого чеснока. «Какой нормальный мужик, не любит хорошо пожрать?» - почти, как у Гоголя, - Баба Яга дружелюбно рассмеялась.

Лариса, молча, закурила.

- Нина Ивановна, я сегодня допишу все о себе, и давайте завтра поговорим? У меня за эти дни создалось о себе такое поганое впечатление, что ни будь это я сама, то эту падлу стоило бы удавить. Я очень хочу быть другой, но смогу ли, я не знаю. Мне очень жалко того мужчину, чьей женой я окажусь, и если это будет хороший человек, как я буду смотреть ему в глаза; ведь узнай он все обо мне, он не то, что детей от меня, просто быть рядом со мной не захочет.

- Ну, хорошего мужика еще найти надо, а ты не печалься, может то, что ты такая змея подколодная, и хорошо. Глядишь, ядовитые зубы из себя вырвешь и человеком станешь. В постель ложатся не с историей твоей жизни, а с тем, кем ты являешься, и, если твое сердце будет нежным и чистым, то твой блядский опыт только пойдет тебе на пользу – за одного битого двух небитых дают, - Баба Яга начала медленно прибираться, - хотя, если честно, мне такого видеть не доводилось: если баба становится на путь «верчения задом» и т.п., то с этого пути она не сворачивает до самой смерти.

Девушка ушла к себе, писать не хотелось, но тяжелые мысли одолевали: «Чем легче и чаще мне удавалось «разводить» мужичков, тем чаще мне по ночам снилось, как меня грубо и грязно насилуют. Сначала это был один мужчина, первобытного вида, потом несколько, я просыпалась в холодном поту. Когда такой сон посетил меня первый раз, я испугалась; но постепенно мне стало нравиться, особенно когда я просыпалась в момент наиболее извращенной ситуации. Постепенно, стерся из памяти тот печально трагический случай, который произошел со мной в школе, а желание столкнуться со своими снами наяву, все нарастало. Мне так хотелось встретиться с настоящим мужчиной, который длительно и красиво ухаживал бы за мной, уверенно и жестко пресекал все мои выходки; я бы прикидывалась девочкой, и в один прекрасный день он бы грубо-грубо овладел мной, но нежно! И я бы стала совершенно ручной,

ласковой, заботливой, такой домашней-домашней; я бы ему слова поперек не говорила, открыв рот слушала бы его и потакала всем его прихотям. Господи, ну какая я дура! Это то же самое, что обожраться пирожными, а потом сказать: «ну это было в последний раз, теперь я съем селедочки и запью кифирчиком, чтобы прокататься и буду всю жизнь питаться скоромной пищей и поститься». И так делать изо дня в день, изображая из себя бедняжку, которую никто не любит и не жалеет. И такое произошло: я познакомилась с ним на одной из тусовок. Как он туда попал, было не понятно; человек, внешне и внутренне, резко отличался от присутствующих, в его взгляде и поведении чувствовалась какая-то внутренняя сила. Мне не составило большого труда познакомиться и уехать вместе с ним с вечеринки. В последствии я узнала, что он «папик» одной из бандитских группировок, но это не главное. Общаясь с ним, я поняла на сколько приятно раздражать человека, доводить его до иступления. Как забавно, влюбленному в тебя мужчине сказать: «я тебя ненавижу, мне противно, меня все раздражает, я не могу на тебя смотреть»; играть с ним в «тупизм», и видя, что он уже не выдерживает, бить посуду, хлопать дверьми и кричать: «не смей меня трогать». Но однажды, он схватил меня, зажал мою голову у себя между ног, взял ремень и просто, молча выпорол. Какое удовольствие и наслаждение я испытала! Я брыкалась, отчаянно лягалась, кричала, плакала, но когда почувствовала первые удары ремня по моим оголенным ягодицам, был такой прилив тепла внизу живота, что это ощущение, наверное, можно сравнить только с оргазмом. И после того, как сцена наказания перешла в бурное занятие сексом, я прикинулась бедным, обиженным ребенком, что заставило его просить у меня прощения и покупать дорогие подарки. Так продолжалось несколько месяцев, я видела, что такая игра его устраивает; и не знаю, как долго бы это продолжалось, но его арестовали и посадили. Я особенно не расстроилась, а поняла только одно - правы были, в прошлых столетиях, дворянки, когда заставляли своих служанок себя пороть перед занятием сексом. Это так приятно чувствовать боль, и сознавать, что тебе ничего не угрожает, что ты управляешь ситуацией, но выглядишь такой незащитной. Господи, ведь я не просто блядь, я полнейшая проблядь!». Девушка прекратила писать отключилась и уснула.

На следующий день, проснувшись и умывшись, Лариса подошла к Бабе Яге:

- Нина Ивановна, мне как-то очень муторно на душе. Кажется, что что-то должно произойти. Я перелопатила в себе столько дерьма, что такое впечатление, будто от меня воняет за версту. Люди должны обходить меня стороной, а те кто находятся рядом неминуемо задохнутся и умрут, - девушка замолчала.

- Это хорошо, что ты сама почувствовала какво быть такой..., что смогла взглянуть на себя со стороны. Давай поедим, я почитаю твои излияния, а потом подумаем, что делать. Я очень не люблю, когда люди предчувствуют неприятности, но глядишь пронесет, - Баба Яга не спеша пошла ставить чайник.

После завтрака, Нина Ивановна, взяв Ларисину писанину, надела очки и удобно расположилась на веранде. Девушка, чтобы отвлечь себя от раздумий, занялась в саду цветами, которые за эти дни массажистка сумела прополоть и облагородить.

Ярко светило солнце, легкий ветерок разогнал всех насекомых, на участке царила дачная идиллия. Звонок мобильного телефона Ларисы нарушил эту мирную картину. Девушка забыла про свой телефон – несколько дней ее

никто не беспокоил. Она поднялась в дом, достала свою «трубку» из сумки, руки ходили ходуном, ноги дрожали. Звонила подруга матери:

- Лариса, срочно приезжай, все подробности - в городе, встречаемся у тебя дома через три часа.

Девушка мгновенно собралась.

- Приедешь в город, позвони Степану Егоровичу. Я буду ждать вас здесь, на даче, - Нина Ивановна понимала, что разговоры сейчас не нужны.

Глава 5. В жизни за все надо платить.

Всю дорогу домой девушка не могла найти себе места. Как назло, никто на ее звонки не отвечал. Подходя к своему дому Лариса почувствовала как сжалось сердце: « как хочется, чтобы все было нормально и спокойно, как в детстве». В доме все было на своих местах, но ощущение пустоты и одиночества начало обволакивать девушку и ей захотелось съездить. Не прошло и пяти минут, как в дверь позвонили. Подруга матери, Галина Сергеевна, знала Ларису с детства, все ее проблемы и замарочки. Внутренне чувствуя сильный характер девушки, она начала без длительных проволочек.

- Долго рассказывать не буду, узнаешь все по дороге, собирайся, едем в больницу.

- Объясните хоть, что произошло?

- Твой отец и мать на машине попали в аварию, «Мерседес» на большой скорости воткнулся в зад их «девятки» и загнал ее под стоящий впереди КамАЗ, отец погиб на месте, мать в крайне тяжелом состоянии в больнице.

- Когда это произошло?

- Сегодня утром, когда они ехали на работу. А что? Это разве не несчастный случай? - Галина Сергеевна подозрительно посмотрела на девушку.

- Меня, просто, очень тревожили ужасные предчувствия, и они подтвердились. Мне тошно оттого, что я такая гадина, - Лариса села на кресло и зарыдала.

- Успокойся, причем здесь ты? Поехали скорее в больницу, на тебя сейчас ляжет много забот, и самое главное, необходимо узнать каково состояние твоей матери.

Через полчаса обе женщины были в реанимации хирургического отделения центральной городской больницы. Ларису отвели к заведующему отделением, она поняла, что предстоит неприятный, тяжелый разговор.

- Мы сделали все, что могли, но боюсь, что без особого результата. У твоей мамы перелом таза, левого бедра, трех ребер, разрыв печени и самое страшное – перелом основания черепа. Она почти все время без сознания, но иногда приходит в себя. Ты скоро будешь врачом, поэтому знаешь, чем все может закончиться, я думаю, чем больше ты будешь рядом с матерью, тем лучше, - зав. реанимацией закурил, - я знаю, что произошло, прими мои соболезнования. Хуже нет, когда что-то случается с врачами, все идет через пень-колоду. На отделение проходи свободно, я предупредил, и держи себя в руках. Я знал твоего отца, он был нормальный мужик. Если будет что-нибудь необходимо – не стесняйся, чем смогу помогу.

- Спасибо. Я пойду к маме? – казалось, что Лариса стала маленькой трехлетней девочкой.

Светлана Николаевна, мать девушки, лежала в палате одна. Жужжание подключенной аппаратуры, белый кафель, одинокая кровать и тело на ней, делали картину удручающей. Глаза женщины были закрыты. Повязки и трубки

дыхательного аппарата подчеркивали бледность и осунутость неподвижного лица.

Лариса подошла к кровати, села на стул и взяла мать за руку. Рука была сухой и холодной, как будто что-то безжизненное, словно конечность манекена. Мурашки пробежали по спине у девушки, она никогда не видела мать в таком состоянии. В висках начало стучать, кровь прилила к лицу, на глаза начали наворачиваться слезы. Девушка почувствовала себя одинокой и никому не нужной, бессилие сковывало все ее тело. «Неужели я во всем виновата, я же не хотела, чтобы моя жизнь, мое поведение могли как-то портить жизнь моим близким», - слезы потекли ручьем, судорога начала ломать все тело. Девушка начала выть. В палату вбежали врачи и медсестры. Унять истерику Ларисы было невозможно, ее вывели и начали приводить в чувства в ординаторской, давая выпить успокаивающее и сделав капельницу, после которой на какое-то время девушка уснула.

Через пару часов она проснулась. За столом сидел заведующий отделением и что-то писал.

- Ну, слава Богу, проснулась, а то мы думали, что придется положить тебя в соседнюю палату, - проговорил он, подняв голову, - Давай вставай и пойдешь умойся, состояние матери, пока, без изменений, в себя не приходила. Если будешь устраивать такие истерики, выгоню, мне не нужна здесь кликуша, мне нужна твоя помощь.

Лариса, молча, кивнула и пошла приводить себя в порядок. Умывая лицо и руки она посмотрела в зеркало, оттуда на нее взирала опухшая, красная физиономия. Одутловатый нос, раздутые губы, мешки под глазами, волосы на голове, растрепанные и висящие как пакля и борозды от слез на опухших щеках, все это вызывало отвращение: «и как с таким уродом можно разговаривать и ему помогать?» - слезы с новой силой, потекли из глаз.

«Ну все, хоть я и последняя стерва, я постараюсь помочь. Если я во всем виновата, то мне за все и отвечать», - девушка взялась активно мыть лицо, стараясь сорвать с себя кожу, пытаясь уничтожить ту образину, которая была в отражении. Неожиданно из носа Ларисы потекла кровь, кровотечение было настолько сильным, что закружилась голова и девушка села на пол. Злость на себя заставила ее встать. Лариса посмотрела на себя в зеркале с такой ненавистью, что могло показаться, что оно сейчас треснет. Девушка вспомнила слова Степана Егоровича о том, что нужно научиться брать ответственность, что слезы и кровь - это только этапы жизни, сильный человек должен уметь отвечать за свои поступки, а для этого нужно брать жесткие стимулы: чем выше ответственность – тем страшнее стимул и девушка проговорила:

- Господи, прости меня, я вижу результат своих поступков. Я не прошу тебя ничего изменить, в жизни надо за все платить. Я обещаю, что никогда не буду жить и думать как «кобыла», но если я нарушу, не наказывай, пожалуйста, других, я сама отвечу и я прошу, чтобы это наказание было самым ужасным, чтобы самые страшные пытки были ничто по сравнению с этим наказанием. Я готова терпеть любые унижения, я готова всю жизнь сидеть на воде и хлебе и выполнять самую грязную работу и жить в самых отвратительных условиях, только поверь мне. Я забуду про деньги и свои «хочу», умоляю, только помоги мне стать человеком. Я ненавижу себя, такое вонючее «испражнение», как я, не должны жить на Земле и если я когда-нибудь про это забуду, уничтожь меня и всех моих будущих детей, чтобы от меня и следа не осталось.

Девушка замолчала, и кровотечение само собой остановилось. « Ой, что же я наделала, а если я не справлюсь», - но в тот же момент в голове промелькнуло: « для этого ты обязательства и брала, а если не справишься, сама за «базар ответишь», а как – жизнь покажет, если сомневаешься, возьми – проверь; если того, что произошло – тебе мало». Жить не хотелось, казалось, что смерть может дать облегчение, но Лариса вспомнила свои слова и зарыдала. « Как мне тяжело, как мне нужна помощь», - и мысль о Степане Егоровиче сразу пришла в голову.

В палате у матери все было по-прежнему. Лариса присела на стул: « надо позвонить Змею Горынычу, но что я ему скажу? Хотя, что говорить, и так все ясно. Если я гадина, то зачем это скрывать? Если он мне поверит, что я хочу быть человеком, то наверное сможет мне помочь. А если не поверит? На его месте, я бы не поверила. Ну и пусть не верит, главное, чтобы побыл рядом, тогда как-то спокойнее», - размышления прервал звук монитора. Сердцебиение Светланы Николаевны участилось и она открыла глаза. Окинув взглядом палату, она увидела Ларису, и слезы начали катиться по ее щекам. Девушка обняла мать. В палату вошел заведующий отделением. Глаза двух врачей встретились. Пациент-врач самый тяжелый пациент для общения, но иногда для него не нужно слов, в тяжелых случаях, он может сам все понять. Такое произошло и сейчас. Мать девушки, взглядом попросила вытащить трубку аппарата искусственного дыхания. Заведующий внимательно посмотрел на женщину:

- Я удалю трубку, и оставлю вас одних, старайтесь не разговаривать. Лариса знает все, она у вас молодец, хорошую вырастили дочь. Если что – я сразу подойду, я буду у себя в кабинете.

Светлана Николаевна попыталась улыбнуться, но на лице получилась гримаса.

- Мама, не волнуйся, все будет хорошо, - плача проговорила Лариса, но настолько неуверенно, что пришлось отвести глаза в сторону.

Первым делом, после того как изо рта вытащили шланг, Светлана Николаевна спросила хриплым шепотом:

- Что с отцом?

- Папы больше нет, - ответ девушки был краток.

Спазм отчаяния сдавил горло матери. Зная, что дни, а может и часы ее сочтены, она печально посмотрела на дочь.

- Мне очень жаль, что мы давно не разговаривали с тобой как подруги. Ты пыталась скрывать от меня свою жизнь, а я делала вид, что все нормально, хотя все: на моей работе, в доме, все знакомые, считали тебя лживой, алчной потаскухой. Ну, да ладно, поздно об этом говорить. Помни только, я бы не хотела переворачиваться в гробу, когда про тебя будут говорить, как говорят про дочь одного из покойных столичных мэров. Пока я знаю, что ты ни чуть не лучше ее, если не хуже; такая же кобыла, только вымя – в несколько раз больше, прости меня Господи. Ты останешься одна, жалко, что люди почти никогда не готовы к смерти. Помнишь, как было тяжело, когда умерла бабушка, хотя было такое впечатление, что ты на ее кончину не обратила внимания, думала только о своих тряпках. Ладно, где жить – у тебя есть, деньги, наверное, тоже. Постарайся вылезти из того дерьма в котором сидишь. Умная фраза: « береги честь с молодю...», а толку никакого, ты свою честь спустила в унитаз. Ты не представляешь, как не хочется умирать, как хочется увидеть того дурака, который возьмет тебя в жены, как хочется понячить внуков. Ну, почему так

все случилось? Дурочка, ну обними же меня, у меня нет больше сил, и очень сильно болит голова. Все в жизни не так, все происходит через жопу. Прости... - изо рта Светланы Николаевны послышался свист и тяжелый выдох. Глаза закрылись. Монитор издал писк и на экране появились прямые линии. Лариса успела обхватить мать и поцеловать. С того момента она осталась одна.

Глава 6. Либо одиночество, либо уединение.

Придя домой, девушка не знала за что хвататься. Мы всегда не готовы к уходу близких в «лучший мир», и не можем сразу понять, что нам необходимо делать. Все бытовые проблемы, разом, нависли над Ларисой. Похороны, квартирные вопросы, звонки знакомых родителей – все это представлялось, как снежная лавина, готовая на тебя обрушиться и подмять под себя. Неожиданно раздался телефонный звонок. Говоривший оказался следователем, он принес соболезнования и попросил девушку появиться в прокуратуре. В начале она не поняла зачем, но когда узнала, что за рулем «Мерседеса», погубившего ее родителей, находился знакомый, криминальный авторитет, выпущенный почему-то досрочно, ужас охватил Ларису. «Два дня назад, я вспоминала его. Я думала, что больше никогда с ним не встречу, а он оказывается убийцей моих родителей. Что мне делать? Я не хочу никого видеть, не хочу никого слышать. Хочется спрятаться, убежать от всех, провалиться сквозь землю. Мне не нужны «разборки», я хочу чтобы меня оставили в покое», - девушка сидела посреди комнаты уставившись в пол. Казалось, что время остановилось.

Неприятностей можно было ожидать от жены знакомого. Она знала, что Лариса была его любовницей, но мирилась с этим. Лариса побаивалась ее, зная, что та человек злой и мстительный. Для нее, ведь, муж не убийца, а жертва обстоятельств. И то, что погибшими оказались родители девушки, виновна будет Лариса. Девушка по себе знала, на что способна женщина, когда кто-нибудь посягнет на ее собственность. Мурашки пробежали по спине, и Ларису бросило в холодный пот. «Все, надо звонить Степану Егоровичу, а то какой-то полный «звездец»», - руки сами потянулись к телефону.

Змей Горыныч появился через двадцать минут после Ларисинового звонка. Девушка, не зная с чего начать предложила пройти в гостиную и выпить по чашечке кофе.

- Ну, давай рассказывай, что произошло, - проговорил Степан Егорович, закуривая, - чтобы было легче, начни с конца, а то у тебя вид побитой собаки, которая украла кусок мяса и за это подверглась палочному наказанию.

Девушка начала свой рассказ. Душевные излияния продолжались несколько часов. В пепельнице росла гора окурков, в комнате было не продохнуть, использованные одноразовые носовые платки лежали кучкой перед Ларисой. Плакать ей приходилось много и часто. Когда девушка закончила на виске у Степана Егоровича вздулась и запульсировала вена:

- Я пойду прогуляюсь, мне надо все переварить. Пока могу сказать, что я встречал разное г..., но такого отборного, как ты – не доводилось. Подумай о том, чего ты хочешь, и в зависимости от этого будем планировать, что с тобой делать. На данный момент, мне очень хочется отказаться с тобой общаться, так что сделаем небольшую паузу. Если нетрудно, приготовь что-нибудь поесть, надеюсь, бутерброды ты делать умеешь и хватит лить слезы, меня это только раздражает. Через полчаса я приду, так что приведи себя в порядок.

Девушка засуетилась, ей никогда не доводилось видеть таким Степана Егоровича. Она закрыла за ним дверь и с новой силой начала реветь.

Уйдя на кухню, Лариса включила чайник, на скорую руку сделала бутерброды с сыром и колбасой и села дожидаться появления Змея Горыныча.

Змей Горыныч появился, как и говорил, через полчаса, минут через сорок:

- Я тебе буду помогать только при одном условии: ты навсегда забудешь про свои хочу. Если считаешь себя достаточно крутой, забудь про мое существование, живи и делай все сама; если хочешь моей помощи, то сделай так, чтобы мне никогда не приходилось слышать твое Я. Если ты будешь на меня обижаться, то сразу вспоминай про то, что ты заслуживаешь. Читай книги по истории, в старые времена тебя бы отдали на развлечение преступникам или солдатам, а потом во все твои естественные отверстия вливали бы раскаленное масло - смерть наступила бы через несколько дней, а до того момента, человек мог только мечтать об этом. Поэтому, постарайся понять, я не хочу тебя обижать, но мне придется тебя учить всему снова, а это будет требовать от тебя самопожертвования. И еще, что не мало важно, если захочется мне нахамить, будешь обливаться холодной водой, независимо зима или лето на улице, простужена ты или нет. До тех пор пока ты не уничтожишь всю грязь у себя внутри, тебе придется беспрекословно выполнять все, что я буду говорить. Если согласна, то давай попьем кофейку, и будем решать, что необходимо делать, если нет, то я потихонечку отбуду, - Степан Егорович закурил, застыв в позе сфинкса и уставившись в окно.

Девушка сидела как провинившаяся школьница перед директором школы, хотелось встать и убежать. Стыд и жалость к себе разрывали все внутри Ларисы. Хотелось ласки и участия, а назидательный тон учителя пробуждал в ней агрессию. Стиснутые зубы, сжатые пальцы, опухшее лицо – все говорило о той ломке которая происходила внутри у девушки. « А если он захочет чтобы я ходила перед ним с голой жопой, крутила сиськами и сидела у него под столом между ног и ублажала его, я что, все это должна буду делать? О Господи, почему же я считаю его таким же, какой сама являюсь. Действительно, я ведь все меряю на свой аршин, будь я на его месте, я бы так и поступала. Как здорово обладать безграничной властью над человеком. Хотя человеком то меня, особенно, и не назовешь, так, «гребаная звезда». Но как страшно подчиниться, что-то сидит внутри и мешают».

- Степан Егорович, давайте сначала поедим, я немножко подумаю, если честно, мне просто страшно, - Лариса постаралась мягко улыбнуться.

- То, что страшно – это хорошо, не было бы страшно, я бы сказал, что ты просто тупая дура. Думай, ты много о себе рассказала, но это только вершина айсберга, все основное дерьмо ты держишь внутри себя и боишься с этим расстаться. Как бы человек не признавался, он боится до конца прочувствовать, до какой степени он опустился. Помнишь, мы говорили: есть уровень «понял», а есть «осознал»; на сегодняшний день, ты только начала понимать, что ты из себя представляешь, надеюсь, когда осознаешь – тебе еще будет хотеться жить и пытаться исправить свое прогнившее нутро. Самое страшное - заглянуть внутрь себя, увидеть своего маленького Я, ужаснуться тому, как он разросся, зловонно воняет и смердит. Человеку хочется в этот момент убежать от самого себя потому, что в ту минуту он чувствует себя маленьким прыщиком на теле этого уродца. Но если он струсит, то останется последней скотиной, а если нет, то маленький Я постепенно начнет испаряться, только это требует невероятного

упорства, трудолюбия и веры, чего у тебя пока нет. Поистаскалась, матушка, а то, чего ты испугалась, так это ты испугалась сама себя. Есть поговорка: «не барское дело свиной пасти» - это касается моей работы и твоих страхов в отношении меня.

- Простите меня, я ничего плохого не думала.

- Не ври, «кобыла» не может не оценивать других по себе, поэтому давай принимай решение, а то я уже поел, кстати, спасибо за еду, - Степан Егорович выжидательно посмотрел на Ларису.

Мысли Ларисы были сумбурны и хаотичны: «Зачем он меня обижает и говорит гадости? Да, я стерва, кобыла, гадкая и подлая скотина, но это не значит, что мне надо постоянно говорить об этом. Разве человеку, которому нужна помощь, нужно постоянно напоминать о его проступках? Разве он не может сам разобраться и больше их не совершать?».

- Ты дошла до того, что не замечаешь, когда начинаешь говорить в слух, - Змей Горыныч внимательно смотрел на девушку, - до тех пор, пока ты реагируешь на малейшее, кажущееся тебе, ущемление твоего пресловутого достоинства, твоя гордыня будет определять твои поступки, а следовательно ты никогда не сможешь стать человеком, но если ты признаешь, что ты «никто и звать – никак», то ты воспримешь всю правду о себе, любованье собой исчезнет и ты сможешь спокойно взглянуть в глаза своей гнилой сущности.

- Степан Егорович, вы очень сложно мне объясняете. Каждое слово в отдельности я понимаю, а фразу целиком – нет.

- Ну, извини, никто не виноват в том, что ты довела себя до такого состояния. Когда человек поистаскается и у него остается сил с «гулькиным носом», то он не может понять многих вещей. Это же так просто: для того чтобы мысли добрались до мозга, нужны хоть какие-то внутренние силенки, а если их нет, то мысли застревают в заднем проходе, и человек страдает запорами. Прости, я смеюсь, только постарайся поверить, что в каждой шутке есть только маленькая доля шутки.

- Но если я такое г... то, что мне делать?

- В любой ситуации всегда есть два выхода: один менее болезненный, но мало эффективный, другой очень болезненный, за то и дающий соответствующий результат. Помнишь, я как-то рассказывал историю про то, как «бабка» вылечила от СПИДа мужика – он считал себя «крутым», но подыхать не хотел. Она заставила его съесть почти целое ведро собственного дерьма, чтобы он понял, что ни чуть не лучше своих испражнений; и как ни странно, помогло. Болезнь отступила только тогда, когда человек понял, что полезнее быть «человеком», чем строить из себя «супер-пупер». К сожалению, у нас почти вся страна, особенно в центральных городах, состоит из таких придурков, начиная с правительства, заканчивая учителями и врачами. Про женщин я и не говорю, не то, что почти все, а думаю, что все, готовы из кожи вылезти, но показать, что «ее сопля блестит лучше». Самое занятное, что после того, как этот мужчинка вылечился, он стал активно превращаться в сельского жителя: завел хозяйство, активно выращивает всякую растительность и идеально разбирается в различных удобрениях, особенно в навозе, - на лице Степана Егоровича, на конец-то появилась улыбка.

- А какой менее болезненный выход?

- Очень простой, продолжать всю жизнь прикидываться «писелкой не целованной», бедной, несчастной, всеми обиженной. Тебя пожалеют, но

связываться с тобой никто не будет потому, что люди будут чувствовать: не тронь г..., оно не будет пахнуть.

- Так мне что, нужно будет питаться своими фекалиями?

- Я думаю, не поможет. Где мы возьмем вагон такого замечательного лекарства? Придется в человека превращаться медленно и печально. Так что, если согласна, давай будем думать, как это осуществлять. Если нет, то позвони мне как будет в жизни что-нибудь интересное, поделишься, - Змей Горыныч закурил, оставив девушку наедине со своими мыслями.

Лариса не знала, что ответить. Мысли такой тучей навалились на нее, что казалось, голова вот-вот лопнет: « Если я буду себя ломать, то со временем превращусь в девку-чернавку - это нельзя, это не желай, а это еще рано. И все это лишь за то, что я хотела жить и радоваться. Я никому буду не нужна. А если не буду ломать, то опять же – никому не нужна. А одна я не справлюсь, мне хочется что-то делать для кого-то. Может быть, я нужна ему? Мы тогда с Ниной Ивановной говорили о том, что может быть он моя половина. Но зачем я ему такая? Ему будет просто стыдно назвать меня женой, кому нужна такая блядища? А если я исправлюсь, пусть через год, через пять; все забудут о том какая я была, он поверит мне (главное чтобы я сама себе поверила), ведь тогда мы сможем быть счастливыми, у нас будут самые замечательные дети потому, что я никогда не позволю им стать такими, какой была их мать. Пусть он не молодой, может быть, не очень здоровый, но все-таки не последний урод. Зато, какая у него голова! Если бы я умела все, что умеет он. Хорошо, надо согласиться, а потом будет видно», - девушка загадочно улыбнулась.

- Перестань думать про всякую чушь, и убери блядский блеск со своих глаз. Человеком становятся не для кого-то, а для себя самого. Пока ты можешь рассчитывать только на одно, если ты будешь старательно преодолевать все трудности, ломать свою гордыню изо дня в день, я буду всегда тебе помогать. Обо всем о том, о чем ты думала, придет время, станешь человеком, поговорим. Но если ты хоть один раз сойдешь с того пути, который мы проговорили – жизнь тебя сметет, то, что происходило последнее время, было тебе последнее предупреждение, больше не будет. Я устал тебе это объяснять, - в глазах Степана Егоровича вспыхнул огонь.

- Да, поняла я все, давно поняла. Никуда я не денусь, да и не хочу. Без вас я ничто. Мне, просто, очень, очень страшно и простите меня за все, за все, за все. Я умоляю вас, будьте моим учителем всю жизнь! – девушка заплакала и упала к ногам Змея Горыныча.

- Хватит реветь и врать, если ты думаешь, что я верю хоть одному человеку, в том числе и тебе, то глубоко ошибаешься. Вспомни, как ты изображала из себя бедную и несчастную, когда с тобой случилась первая серьезная проблема и мы с тобой познакомились. Тогда ты поняла, что получила серьезное наказание за то, что во время не оторвалась от матери. Но внутри, если хорошо покопаться, могла бы понять, что ты хотела того, что с тобой произошло. Есть выражение: « что человеку хочется, то для него и благо». Легче всего удовлетворяются его низменные желания, и когда человек чего-то боится (в мыслях или на словах), то он хочет чтобы это с ним произошло. Только один с честью справляется с проблемами, а другой жалуется на проблему, хотя в глубине души понимает, что давно мечтал о ней потому, что быть убогим проще: можно просить о помощи, ничего не делая, и обвинять других, когда кто-то не помогает или объясняет как надо поступать. Буквально завтра ты убедишься в том, на сколько ты прогнила, что вместо души у тебя

остался кусок навоза, присыпанный сахарной пудрой и большим количеством сиропа из твоих лживых слез. Я приду завтра в девять утра, за это время хорошенько подумай о себе и о том, что я говорил, - в глазах Степана Егоровича скорбь и печаль, он натянуто улыбнулся и ушел.

Лариса осталась молча сидеть на кухне, было около двенадцати ночи, но спать не хотелось, внутри было противно. Слова Змея Горыныча раздражали до такой степени, что хотелось послать его далеко и на долго. «Старый козел, он будет мне еще вонять и учить меня. Посмотрел бы на себя, когда такая как я, чуть ли не объясняется ему в любви, он должен писать кипятком от счастья, что я удостоила его вниманием», - в этот же момент ее начало тошнить, разболелась голова и начался такой кашель, что казалось разовьется приступ удушья. «Господи, что я делаю, о чем я думаю? Человек помогал мне и помогает, а я готова на него насрать», - девушка разревелась с такой силой, что казалось сбегутся соседи по дому. Она ушла в ванную, начала умывать лицо, мельком взглянула в зеркало, на нее смотрел настолько отвратительный «крокодил», что от его вида Ларису мгновенно вырвало. «Ну и гадина! «Какая гадость!», - как я часто употребляю эти слова по отношению к другим, но когда видишь себя в зеркале – хочется удавиться», - девушка ушла в комнату. Накрывшись одеялом с головой, она проревела полночи от ненависти к себе и остальным.

Девушка забыла поставить будильник, и звонок в дверь разбудил ее. Она отбросила одеяло и вскочила с кровати, ужас охватил ее: она стояла по щиколотки в канализационной жиже. Вонь заполнила всю квартиру, а дерьмо из туалета все продолжало прибывать. Лариса, в чем была, кинулась открывать дверь. На пороге стоял Степан Егорович, на его лице не появилось удивление от такой картины.

- «Прэлестно», - проговорил он. Это прозвучало как издевательство. – У тебя три часа чтобы навести порядок. Позвони в жилконтору и вызови водопроводчика и «аварийную», не забудь одеться и привести себя в человеческий вид, все поймешь, когда помотришь на себя в зеркало. Пока ты будешь маяться всей этой дурью, я займусь, вместо тебя, похоронными делами. И, постарайся понять, за то, что тебе помогают нужно научиться быть хоть немного благодарной, - Змей Горыныч закрыл дверь, не зайдя в квартиру.

Первым делом девушка кинулась к зеркалу, на нее смотрела опухшее, не лицо, а рожа: выпяченные губы, нос торчащий между раздутых щек, как кусок г... между двумя половинками ягодиц, пороссячьи глазки с трудом различались за мешками век, и самое отвратительное, все это, было покрыто огромным количеством прыщей. Лариса отшатнулась от зеркала, но в этот момент боль внизу живота остановила ее. Она посмотрела под футболку и трусы, все тело было покрыто сыпью, и внезапно появился нестерпимый зуд между ног. «Господи, что же твориться? Я, кажется, схожу с ума», - все происходящее заставило девушку начать активно наводить порядок. Описание этой картины, не смогло бы никому доставить удовольствия. Кое-как, после трех часовых усилий: общения с водопроводчиками, уборки, проветривания, мытья самой себя и приведения своей внешности, хоть в какой-нибудь Божеский вид, девушка ждала прихода Степана Егоровича.

Змей Горыныч появился, как и обещал.

- Собирайся, едем к Нине Ивановне. По дороге буду объяснять, что тебе будет необходимо ближайшее время делать. Мне очень хочется, чтобы ты поняла: у меня, если я помогаю, существует ответственность, и у тебя, если ты нуждаешься в моей помощи, так же существует ответственность. Так что, давай

мирно все выполнять, помогая друг другу. То, что тебе будет тяжело, и даже очень, я знаю. Если ты мне веришь, то со всем справишься. Ты поняла? – учитель сурово посмотрел на девушку.

Лариса молча кивнула, опустив глаза.

- Простите меня. Я не хочу ругаться матом, но я знаю и хочу чтобы знали Вы, что я последняя ёб...ная, переёб...ная, недоёб...ная блядища, если я когда-нибудь захочу оскорбить Вас, сделаю какую-нибудь гадость или просто не буду делать то, что вы говорите, выпорите меня так, чтобы от моей задницы и меня, мокрого места не осталось, пожалуйста, - слезы стояли в глазах девушки.

- Хорошо, об этом поговорим потом, а сейчас пошевеливайся, у нас много дел. Я жду тебя в машине, - Степан Егорович начал спускаться вниз.

По дороге к Нине Ивановне, Лариса сидела как затравленный зверек.

- Я буду обговаривать по пунктам, что тебе будет необходимо делать. Постарайся меня внимательно слушать и запоминать, - Змей Горыныч не отрывал взгляда от дороги.

- Необходимо закончить похоронные дела. На счет всей церемонии и самих похорон я договорился, тебе только нужно будет оплатить. Квитанции я тебе дам. Определи кого оповестить, Нина Ивановна этим займется, в том числе и поминками. Тебе необходимо будет появиться на похоронах и на «девять дней». Затем необходимо будет заняться бумажным оформлением жилья и тому подобных вещей, где, что и как я тебе объясню. Какие-то деньги у тебя есть, сдашь в наем квартиры – будут еще. Жить, пока, будешь на даче у Бабы Яги. Академку в институте оформишь и будешь работать. Я думаю, что подходящим для тебя, пока ума не наберешься, будет место доярки на ближайшей ферме. Её хозяин пациент и друг Нины Ивановны, так что веселой жизни не обещаю. И запомни, просто так я не буду напоминать тебе о прошлом, но если будешь сачковать или впадешь снова в блядство, пеняй на себя, пока понятно все что я говорил? – Степан Егорович повернулся к девушке.

- А зачем Вы мне помогаете? – Лариса пристально посмотрела на учителя.

- Кто знает. Одни решат, для того, чтобы развести тебя на деньги; другие, что старого пердуна потянуло на смазливую рожу и тело; третьи, что я свихнулся, связавшись с прожженной проституткой. Для чего-то жизнь людей сталкивает. Когда-нибудь, я расскажу тебе про себя. Жизнь меня наказала, и во мне многое изменилось, я много чему научился и до сих пор учусь. Я стал помогать людям, но помощь нужна, оказывается, только тем кто ее заслуживает и о ней просит. Я думал, что хуже меня не бывает, но сталкиваясь каждый день с людьми, я понял, что мир не переделать, можно только это хотеть. Возьми себя: со стороны, просто ангелочек, а копнешь, Фреди Крюгер по сравнению с тобой ребенок, только он убивал по своему, а ты своим «хочу» и, мягко говоря, промежностью. И это касается каждого второго, если не первого. Я понимаю многие религиозные конфессии, которые не пускают женщин в храмы, просто боятся испачкаться. Вы лживы, практически с детства и до гробовой доски. Поэтому, считай, что я просто психологический мазохист, - Лариса впервые услышала такие интонации в голосе Степана Егоровича.

- Простите меня, рядом с вами я чувствую себя полнейшим дерьмом. Я, правда, буду стараться.

- Посмотрим, а пока посиди и немного подумай о том, что будешь делать и как жить в поселке, - Змей Горыныч закурил очередную сигарету.

Глава 7. Прощание с прошлым.

Лариса всю дорогу сидела молча. О чем говорить, когда тебя везут, как последнюю драную, гадившую по углам кошку, в деревню на перевоспитание. И, дай Бог, если перевоспитаешься, а если нет, отдадут тебя псам и будут делать они с тобой все, что захотят, потому, что о себе ничего не скроешь. У девушки складывалось впечатление, что она не смогла привести себя в порядок после уборки квартиры и вонь, которая там стояла, теперь исходит от нее: от рук, лица, ног и особенно от всего остального. Хотелось зажаться, сделаться крошечной, спрятаться в сиденье машины.

Степан Егорович взглянул на девушку, когда они подъезжали к дому Нины Ивановны:

- Перестань думать о том, что плохо привела себя в порядок, от тебя за версту разит не дерьмом, а блядством и паскудством. Сейчас приедем, все вместе обговорим план действий, а потом расскажу тебе про то, что такое демонизм. Если поймешь – будет над чем работать.

- Вы раньше не употребляли этого слова. Что это значит? – Лариса удивленно посмотрела на Змея Горыныча.

- Ко всему в жизни человек должен подходить постепенно. Начни рассказывать тебе раньше, ты все равно ничего бы не осознала. Для того чтобы что-то прочувствовать, нужно сначала самой испытать боль, а затем научиться чувствовать боль других. Только сейчас ты с этим столкнулась, как бы ни обидно и грустно ни было, - Степан Егорович остановил машину.

Баба Яга дожидалась у калитки:

- Ну, наконец-то, а то я заждалась. Ты, девочка, прими мои соболезнования, я знаю, как тебе сейчас тяжело. Я, чем смогу, помогу. Вы проходите, давайте покушаем, а то вы, наверное, устали и проголодались, - Нина Ивановна суетливо забежала по двору.

Поели молча, после того как женщины убрали со стола, Степан Егорович, как всегда закурил. Указания для Нины Ивановны были краткими и конкретными: на нее ложилась вся подготовка к похоронам. Она вздохнула и проговорила:

- Я все поняла, к сожалению, не впервой этим заниматься. Вы поговорите, а я пойду соберусь.

Змей Горыныч и Лариса перешли в беседку.

- Демонизм, для людей, понятие мало понятное, - начал Степан Егорович, - на востоке, есть понятие монада, от слова моно- целостность или единство. Демонизм – нарушение единства. Человек может жить либо своим маленьким Я, либо большим. Но не зависимо от того, какому своему Я он подчиняется, он может быть целостной личностью. К таким людям мы относимся с уважением. Например, в фильмах нам нравятся и положительные и отрицательные герои, если они преданы своей идее и в них есть внутренний стержень. Когда человек разрывается между двумя действиями, он превращается в Бурданова осла. Он делает то одно, то другое, затем оправдывает себя, затем начинает врать. Ему хочется выглядеть добропорядочным, как нашему правительству, и в тоже время, набить свои карманы деньгами. Если взять проститутку, которая не скрывает своего грязного ремесла и стремится даже в нем стать «мастером», и готова этому

учиться, она заслуживает хоть какого-то уважения и ее можно назвать человеком. Но если женщина, под благовидной личиной, а еще хуже, если руководитель или политик, на словах и в публичном поведении показывает одно, а сама готова встать «фраком» в любой удобный момент, то в конечном итоге, она доводит свой демонизм до такого предела, что перестает быть человеком и превращается в «дырку». В этот момент, какой внутренний стержень, какая совесть, какой стыд – только деньги, трах, и куча пантов. Ты задумывалась, откуда взялось выражение «сукин сын» или «сукина дочь»? Собаки всегда существовали на глазах у людей и поведение самки во время течки люди видели и знали: в этот момент она готова спариваться с кобелями без разбора, что и получило название «собачья свадьба», и получается, что женщина, которая дошла до такого состояния демонизации, превращается в суку, а ее потомство в «сукиных детей». И расскажи мне тогда, много ли в нашей стране осталось людей? Можно ли из состояния, когда «демон», или другими словами ложь и вранье поселились в тебе и ты превратилась в загаженную дырку сортира на колхозном поле, куда по осени отправили пьяных накурившихся студентов, перейти в состояние человека? Получается, чтобы человек начал говорить правду, он сначала должен до такой степени завратиться, чтобы это дерьмо стало его распирать, и тогда как ты, он начинает исповедоваться, но это только начало. Из себя он должен вычерпать все помои, отмыть свой сосуд и начать его заполнять чем-то светлым и чистым. Демон самое отвратительное производное дьявола, поэтому и говорят: «не так страшен черт, как его малютки», - Змей Горыныч прервался, глаза его блестели огнем, который не предвещал ничего хорошего. Лариса сидела как воробей во время дождя, ей до ужаса было страшно.

- Мне противно, когда в сказках обыгрывается, что Василиса Прекрасная была такая «белая и пушистая», почему тогда на нее одета была жабыя шкура, а не была ли это личина добропорядочности? А когда Иван Царевич поверил, что перед ним «ангел во плоти», не получил ли он за это наказание: хождение в тридевятое царство, тридесятое государство? И тогда получается, что сказка про то, что женщинам нельзя быть лживыми суками, а мужчинам – доверчивыми дебилами. Ну, как, есть над чем подумать? Посиди, пока поплачь, а я помогу нашей Нине Ивановне, - Змей Горыныч встал и как ни в чем, не бывало отправился к дому.

Лариса сидела на скамейке, как воробей под дождем. Слезы душили ее: «Сколько еще выслушивая правду, я буду реветь и обижаться на него? Он носится со мной как с ребенком, а я готова разорвать его. Мне хочется отвечать ему гадостями, унижать его. Когда я чувствую, что хуже меня нет, я хочу, чтобы все были такие. А вдруг, это правда, что он моя половина? Господи, что же я делаю? Я же гроблю все, как мне жить, когда он все про меня знает? Как смотреть ему в глаза, ведь я причиняю ему только боль? Неужели моя любовь может проявляться только в паскудстве?» - девушка почувствовала сильную боль в области солнечного сплетения, тошноту и у нее началась рвота непереваренной, съеденной пищей. Она упала на колени и начала выть: «Как я себя ненавижу, Господи!».

Степан Егорович и Нина Ивановна подошли через несколько минут.

- Мы сейчас уедем в город, заниматься твоими делами. Ты останешься здесь, будешь следить за порядком и делать все, что необходимо по хозяйству. Через два дня я приеду забрать тебя на похороны. Делай все так, чтобы потом не пожалеть и не было стыдно перед Ниной Ивановной. Если что-то будет не

понятно, телефон у тебя есть. Быстро спрашивай, что неясно и мы отчалили, - Змей Горыныч выжидательно посмотрел на девушку.

- Да, нет, мне все понятно, только страшно и плохо.

- Как меня достало ваше «да, нет», тебе должно быть ужасно и отвратительно. То, что с тобой происходит, «ничто» по сравнению с тем, что ты заслуживаешь. Ладно, что с тобой разговаривать, пока, все равно ты ни хрена не понимаешь. Это тоже самое, что закоренелому пидарасту говорить о любви к женщинам. В общем, остаешься одна, самое главное думай о том, какое ты дерьмо, тогда можно будет о чем-либо разговаривать, - Степан Егорович развернулся и направился к калитке.

- Все, пока, - голос Змея Горыныча прозвучал так, словно он высморкался. Нина Ивановна семенила за ним, как собачка, молча, только крутя головой во все стороны.

Через два дня, Змей Горыныч приехал, как и обещал. Лариса вышла понурая, но на участке был порядок: везде было чисто, цветы политы. За работой девушка думала только о том как вести себя со Степаном Егоровичем. Она не могла сформулировать, как к нему относится, но чувствовалось, что при его приближении, ее начинает кидать в дрожь.

- Вижу, ты старалась. Собирайся, поехали. Заедем к тебе домой, переоденешься, а затем поедem на кладбище. Когда вся эпопея закончится – поговорим, - Степан Егорович закурил.

Всю дорогу до города Лариса молчала. Приняв душ, и надев черное строгое платье, она подождала, пока Змей Горыныч допьет кофе. Запах канализации за эти дни выветрился, в квартире было светло и чисто. Девушка убрала со стола, и они направились к выходу. В тот момент, когда лифт, на котором они спускались вниз, достиг четвертого этажа, отключили электричество. Ожидание начало затягиваться, и девушка неожиданно начала совершать движения ягодицами, какие совершают кошки в брачный период: она начала выгибать спину и тереться своей задницей о бедро Степана Егоровича, рука ее медленно потянулась к его ширинке: - Я хочу Вас, - прошептала она. Степан Егорович, не долго думая, отвесил ей пощечину так, что она ударилась головой о стенку лифта, электричество сразу же включилось.

- Ты совсем ополоумела. Твои блядские закидоны мне на ху... не нужны. Я тебе объяснил, закончатся похороны, будем разговаривать о том, как тебе стать человеком, а пока сиди молча. Если можешь плакать – плачь, - в глазах Учителя промелькнул огонек ненависти.

- Простите меня, я не знаю как это вышло, - Лариса отвернулась, спрятав глаза.

Похороны и поминки прошли спокойно, присутствовали, в основном, сослуживцы по работе. После того как все разошлись, Нина Ивановна начала наводить порядок, а Степан Егорович вышел покурить с Ларисой на балкон:

- Тебе нужно будет оформить Академку и на полгода поедешь к Нине Ивановне, будешь работать на ферме и делать все по дому. В свободное время сядешь писать правдивую исповедь, а не сладкую сказку, которую ты написала. Ты должна достать всех «скелетов из своего шкафа», ты должна вытащить из себя все говно и его «съесть», только смотри, чтобы промежность не разорвало, - Степан Егорович рассмеялся, - у тебя там не воронка, а смерч или океанский водоворот, не хватит дерьма, чтобы его заткнуть. Всю свою лживую натуру тебе придется укрощать. Демонизация, доведенная до предела, приводит к тому, что в человеке живут два человека: один – составляет восемьдесят процентов, и

является полнейшим дерьмом, гнидой и оторвой; в нем уже не осталось ничего светлого, он готов смотреть в глаза и в тот же момент врать, делать гадости, другими словами, срать на других, в том числе и на самых близких. Другой, составляет двадцать процентов, но в нем, к сожалению, тоже восемьдесят процентов дерьма, зараза распространяется быстро. Таким образом, в тебе только четыре процента от человека. Как можно верить такому человеку? Его можно использовать как скотину, пока не сдохнет. Это маньяки, убийцы, насильники, короче социально опасные шизофреники. Я, как дурак, одеваю «розовые очки» и верю в то, что людям можно помочь, но они врут, мягко говоря – трахают тебе мозги, говорят, что все понимают, но не осознают, получают то, что хотят, плюют тебе в душу и не догадываются, что подставили жопу так, что дальше некуда. Поэтому, если хочешь вылезти из дерьма, изволь делать все так, чтобы мне не приходилось повторять. Пока ты для меня просто «зловонная дырка», в этом убедишься, когда напишешь правду. И радуйся, что пока тебе никто не гадит в рот, как ты этого заслуживаешь. Ты все поняла? Я приеду через две недели, надеюсь, ты запомнишь мои слова, - Змей Горыныч откланялся удалился.

Лариса стояла на балконе, как обосранная.

Глава 8. Правда может убить, а может спасти.

Лариса с Ниной Ивановной, после хлопотливого дня, сели на электричку и поехали на дачу. Почти всю дорогу обе женщины молчали. У Ларисы молчание было тягостным, казалось, она была готова зареветь, но что-то сдерживало ее. Какой-то невидимый монстр заставлял ее изображать из себя недотраханную кобылу. Баба Яга помалкивала, как обычно это делают сторонние наблюдатели. Расспрашивать о том, что происходит с девушкой, ей не хотелось, и она достала вязание и начала трудиться. Со стороны, ее действия были настолько аккуратны и красивы, что все люди ехавшие в вагоне, начали с восхищением наблюдать за ее руками. Из под спиц выходил настолько элегантный, голубенький детский носочек, что Лариса отвлеклась от своих страданий: - А как вы этому научились?

- Когда побываешь в местах, не столь отдаленных, и не этому научишься. А так – это здорово успокаивает, плюс никто не мешает. Если будешь себя хорошо вести, научу и этому и много чему другому, что необходимо знать и уметь женщине, у которой есть совесть и чувство внутреннего достоинства.

- Что вы меня со Степаном Егоровичем все достаете, ну нет у меня совести, да я сука.

- Слушай, заткнись. Если он тебе помогает, значит у тебя есть два выхода: либо на тот свет, либо стать человеком. Я надеюсь на последнее, на что надеешься ты – не знаю. Посиди, помолчи, а то у меня от тебя зубы начинают потеть, - Баба Яга уставилась в окно, хотя руки продолжали, также качественно работать.

Три дня обе женщины занимались хозяйством. Лариса сходила на ферму и ее без проволочек познакомили с работой доярки и взяли на работу. По вечерам девушка молча сидела в беседке и отчаянно курила. Через три дня Лариса не выдержала и подошла к Нине Ивановне:

- Я напишу всю правду о себе, но как после этого я буду жить?

- Это уже хорошо, что ты спрашиваешь, значит не все потеряно. Но ответить на твой вопрос не смогу ни я, ни он, а только ты сама. Но не

выплеснуть из себя все дерьмо ты не сможешь, оно тебя задушит. Как бы страшно ни было, нужно в жизни за все отвечать. Я ни буду приставать к тебе с вопросами и советами. Работай и пиши, нужна будет помощь – проси.

Весь вечер Лариса собиралась с силами и в конце концов решилась.

То, что будет написано, нормальный человек прочитать до конца не сможет, но это правда без изменений и это стало нормой жизни многих сотен людей, (не надо автора обвинять в том, что он сексуальный маньяк и смакует все самое отвратительное, ему, также как и вам, до ужаса противно и больно было все это читать):

«То, за что больше всего стыдно – кража денег у отца – это было до того, как я начала писать свою исповедь. Теперь я понимаю, что это была самая незначительная вещь из всего того, что я делала. Много изменилось – я просто проглядь..»

Береги платье снову,
А честь – с молодю.
«Сейчас-Русская народная шутка».

С детства я обожала такие стихи: грязь, пошлость и красота; потом они стали нормой моей жизни:

Безумье, скардность и алчность и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают
Нас угрызения, как пытка, улаждают.
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье – притворно:
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости, омыв свой путь позорный.

И демон Трисмегист, баюкая мечту,
На мягком ложе зла наш разум усыпляет:
Он волю, золото души, испепеляет,
И, как столбы паров, бросают в пустоту;

Сам дьявол нас влечет сетями преступленья
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь – уж Смерть клокочет в ней,
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,
Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье,
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То – скука! – облаком своей наука одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?!

(Шарль Бодлер «Цветы зла»)

Ты на постель свою весь мир бы привлекла,
О, женщина, о, тварь, как ты от скуки зла!
Чтоб зубы упражнять и в деле быть искусной-
Съесть по сердцу в день, - таков девиз твой гнусный.

Зазывные глаза горят, как бар ночной,
Как факелы в руках у черни площадной,
В заемной прелести ища пути к победам,
Но им прямой закон их красоты неведом.

Бездушный инструмент, сосущий кровь вампир,
Ты исцеляешь нас, но как ты губишь мир!
Куда ты прячешь стыд, пытаясь в позах разных
Пред зеркалами скрыть ущерб в своих соблазнах,

Как не бледнеешь ты перед размахом зла,
С каким, горда собой, на землю ты пришла,
Чтоб темный замысел могла вершить Природа
Тобою, женщина, позор людского рода,
- Тобой, животное – над гением глумясь.

Величье низкое, божественная грязь!
(Шарль Бодлер из сборника «цветы зла»)

(имена и некоторые подробности изменены)

Напечатано и вставлено в книгу с согласия автора исповеди.

Когда я была классе в 6-7, мы переехали на новую квартиру. Я очень не хотела переезжать, т.к. не хотела идти в новую школу, было страшно, все друзья остались там. Сначала надо мной немного поиздевались, как над всеми новенькими. Что-то вроде: «Лариса, как тебя зовут?» и т.д. А потом приняли. В классе самыми главными были 3 девочки и их мальчики. Это была «элита» класса. Ими гордилась вся школа. Они участвовали во всех концертах, в олимпиадах и других общественных мероприятиях. Все хотели с ними дружить. И почему-то я оказалась среди них. Я стала с ними дружить, мне они нравились, нас часто снимали с уроков, чтобы мы могли готовиться к различным концертам. Все девочки занимались танцами, кто- бальными, кто- современными, кто- русскими народными. Мы придумывали разные танцы для концертов, пели какие-то песни и т.д.

Во внешкольное время мы ходили гулять. Играли в детские, глупые игры в мячик и т.д. Когда я пришла в класс, мне понравился Паша, он занимался академической греблей. Это был высокий блондин с ярко зелеными глазами, он «встречался» с Викой. Встречание заключалось в перезванивании по телефону и каких-то записочках. Позднее оказалось, что он влюблен в меня. Мы стали с ним «встречаться». Я даже не думала о том, что про все это думала Вика. Наверное, ей было, мягко говоря, не очень приятно. Но внешне она ничего не показывала, и мы продолжали все вместе гулять и дружить.

В меня был влюблен и Слава, и Никита, и др. Наверное, я тогда поняла, что я всем нравлюсь, что я такая растакая. Но я никогда не задавала себе вопроса ПОЧЕМУ? Я и сейчас не понимаю, т.к. на тот момент я была таким гадким утенком, но почему-то все меня считали симпатичной. Мне писали всякие записочки, звонили домой, все это было на таком детском уровне. Сейчас мне от этого гадко, а тогда - нравилось.

Потом я познакомилась с девочкой из соседнего класса – Мариной. У нее папа был поэт, а у мамы сестра жила в Париже. Мы стали с ней дружить, и она перевелась в наш класс, но наша компания стала как-то распадаться, хотя мы продолжали проводить концерты и т.д. Вика стала профессионально заниматься пением, и все реже была с нами (она родила раньше всех, в 17 лет).

Когда я училась в старой школе. И мне очень нравился Сергей, он мне нравился с 1ого класса и до тех пор, пока мы не переехали, но я это пыталась скрыть, т.к. ему нравилась другая девочка. Помню, как я была счастлива, когда нас с ним первыми в классе принимали в пионеры, когда меня посадили с ним за одну парту, когда нас поставили парой на уроке танцев и когда нас

фотографировали - поставили рядом. А в меня был влюблен мальчик, которого я терпеть не могла – Леня, он был узбек. Мне было так неприятно, что он в меня влюблен. Хотя, наверное, другого я не заслуживала.

Помню, как одна девочка сказала мне, что по мне видно, что я влюблена в Сергей. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Почему? Потому что все знали, что ему нравится другая. И это, наверное, ущемило мою гордыню. Мне было стыдно. Хотя, это был не стыд, а что-то другое.

В новой школе, когда я училась в 8 классе, мы с Мариной стали заниматься художественной гимнастикой. На тот момент я в основном общалась с ней и с девочками из старших классов. У нас в школе были 11 классники, несколько человек-мальчиков, которые практически не учились, а прогуливали уроки, сидя внизу. Это были какие-то гопники: Лысый, Щерба, Киборг и Петухов. Мне очень нравился Киборг, и он нравился всем. Сначала эти мальчики стали общаться с Женей, ходили к ней в гости, тусовались у нее. У нее родители пили, и редко были дома. На самом деле, на тот период я плакала очень часто, как говорится «глаза были на мокром месте», если грубее - истеричка. Чуть что не по-моему, я начинала реветь и убегать, чтобы все сразу же бежали за мной и успокаивали. Инфантильная дрянь. Я могла по середине урока вскочить и убежать в туалет и там реветь от обиды до конца урока. Не знаю как меня выдерживали и почему со мной общались.

Потом был случай, когда мы были у меня дома, у нас в гостях были наши одноклассники, мы смотрели телевизор и о чем-то болтали. Вдруг кто-то позвонил в дверь – это были те же самые гопники. Мы отправили одноклассников, а других пустили в гости. Какая гадость. Мы слушали музыку, и опять этот Петухов пригласил меня на медленный танец. Я согласилась. Сейчас от омерзения бегут мурашки по телу, а тогда мурашки бегали от удовольствия. Пришла моя мама и почему-то не ругалась, и ничего плохого не сказала. Я тогда не думала, что это все грязь. Мне казалось, что это очень круто.

Однажды мы решили прогулять тренировку и потусоваться с парнями. Тусовки происходили на крыше или в парадной, и заключались в том, что мы хихикали, а они чего-то рассказывали. И меня заметила соседка, побежала за мной, я от нее убежала на почту и спряталась там, она меня нашла и за шкурку притащила домой. Меня наказали и не пускали гулять. Когда кто-нибудь приходил ко мне, меня не звали. Но это долго не продлилось.

Помню, что все тусовки парней из 11 класса дома у Жени закончились для нее плачевно – она лишилась девственности с одним из них. Что с ней происходило дальше, я не знаю. Когда мы с девчонками узнали про это, мы были в шоке, говорили: «как так можно!» Это был 8ой класс и тогда это было еще не принято, хотя на данный момент это считается в порядке вещей. Затем еще одна девочка лишилась девственности. Это была Лола, она была грузинкой, училась в музыкальной школе. У нее был потрясающе красивый и сильный голос, она великолепно играла на фортепьяно, сама сочиняла музыку и песни к ней. Была очень талантливой. Начала встречаться с каким-то мальчиком из нашей школы 11 класса, переспала с ним, считала, что любит его, что он ее любит. А после того, как он с ней переспал, он рассказал об этом всей школе. Помню как она плакала, было ее жалко. На тот момент я не представляла, что со мной может такое случиться, я об этом не думала. Но было как-то страшно и интересно, когда мы об этом узнавали. Эта тема была какой-то таинственной, и никто об этом не говорил.

Помню, в каком я была шоке, когда у меня начались критические дни. Мама мне про это ничего не рассказывала. Я про это узнала от Марины, у нее месячные начались раньше. Мне как-то не верилось, что со мной это случилось. Я не помню какие чувства меня переполняли тогда. Не думаю, что какие-то радостные.

Помню, как я первый раз, когда мылась в ванной, дотронулась как-то до клитора, и получила первый оргазм. Мне это так понравилось, что я стала этим часто заниматься. Было достаточно просто дотронуться до клитора и происходил оргазм. Такое впечатление, что все девицы начинают заниматься этим в ванне. Но у меня всегда было ощущение того, что я делаю что-то плохое, что делать этого нельзя. Во мне тогда постоянно боролись эти 2 чувства.

Что еще вылезет из моей памяти? Мне больно за все за это. Я еще даже не подошла к самым отвратительным моментам в моей жизни, а уже вылезло столько грязи. Страшно.

Я всегда была довольно тихой, молчаливой и стеснительной, но не зря говорят: «в тихом омуте черти водятся».

Помню все, что произошло со мной в восьмом классе, но про это писать не буду, вы и так все знаете (см. «Сказка про девственность»). Все, не могу больше, так тошно от себя, что сил больше нет писать. Такая маленькая и такая сучка. Что будет дальше? Ведь падение только началось. Как я могла всего этого не замечать?

Еще помню, как умерла моя морская свинка, я не справилась со своей ответственностью. Ей надо было менять подстилку из мелко порванных бумажек хотя бы 1 раз в неделю. А мне все было почему то не до этого. Мама мне каждый день об этом напоминала, а я все не меняла. И, однажды, придя из школы, я увидела, что она не шевелится. Я стала менять ей бумажки, плакала, просила, чтобы она проснулась. Но она умерла. Я ее похоронила. Я чувствовала на себе вину за смерть морской свинки. Хотя понимаю сейчас, что умерла она не из-за бумажек, а из-за моего безразличия и отсутствия внимания, любви и заботы.

Когда я училась в 3-5 классе (я точно не помню) одна девочка, она была на пару лет старше меня, нашла у родителей черно-белые фотографии с какой-то порнухой. И показала их мне. Я честно говоря тогда ничего не поняла. Пенисы мне казались солеными огурцами, я не понимала, зачем голые люди их держат. Но сейчас неприятно про это вспоминать, я помню, как эта девочка их рассматривала, я ее не понимала.

Однажды я спросила у мамы, откуда берутся дети. Она сказала, что когда 2 человека друг друга очень сильно любят, у них появляется ребенок. Меня этот ответ удовлетворил, и я верила в это очень долго, мне кажется, слишком долго.

Однажды мы шли куда-то вместе с мамой, на ней была длинная юбка. За нами шел мой одноклассник, он был двоечником и хулиганом. Мне было лет 8-9. Он вставил себе в ботинок под шнурки зеркальце и пытался заглянуть маме под юбку. Мама сказала мне, чтобы я на это не обращала внимания. Ему удалось подставить ногу под юбку. Не знаю, что он там видел. Мама остановилась и сказала ему: «Что, хочешь посмотреть? Давай покажу», или что-то в этом роде, слов не помню. Он испугался и убежал, крикнув моей маме, что она шлюха. Я ничего не сказала ей. Но когда я осталась одна, я так плакала, мне было так стыдно, хотя я тогда еще не знала, что значит это слово. Спустя какое-

то время этот же мальчик, Жора, со всей силы ударил меня кулаком в живот, я даже кричать и плакать не могла. Было больно. Но почему меня и именно в живот (сексуальная чakra) я не думала об этом. Он, наверное, интуитивно почувствовал то, кем я стану в будущем, и слово «шлюха» предназначалось не маме, а мне. Меня предупреждали уже тогда: «не будь блядью», а я ею стала.

Так вот, мы переехали. Здесь мне было не очень сложно, т.к. в моем классе училась дочка маминого директора, Бэлла. Самой основной в классе была Света. Она была очень веселая, общительная, дружелюбная девочка. 9ый класс оказался для меня началом ада.

Так вот, эта Света рассказала, что ее подружка встречалась с одним молодым человеком. Его звали Юра, ему было лет 38, он был разведен, был сын, который жил с мамой. И она познакомила их, они стали встречаться. Потом стала встречаться и я. На тот момент наши мамы знали про этого Юру, и, поэтому я врала маме, что я познакомилась с молодым человеком, его зовут Артем и т.д.

До этого у меня не было никакого опыта общения с мужчинами, поэтому мне было очень страшно встречаться с ним. Я еще ни с кем не целовалась.

Фу, вспомнила еще одну дрянь. Он за мной заехал, у него была машина AUDI и мы поехали в ресторан, потом мы поехали к нему домой. Он меня целовал и обнимал. Помню я тогда вырядилась в мамину юбку и блузку, мама была не против. Он пытался со мной переспать, но мне было страшно, я запросилась домой, и он отвез меня. В следующий раз все повторилось: ресторан, потом домой. Оказалось, что это был его стереотип, он всех девочек возил ресторан и потом к себе домой, чтобы потрахаться. Во второй раз он переспал со мной. Было страшно или нет, точно сказать не могу, мне хотелось все преодолеть, преодолеть свой страх перед сексом и мужиками. Хотя, наверное, я вру, я просто блядь! Как противно. После этого он за мной заезжал, и все шло по накатанной колее. Света от него забеременела и сняла с него много денег и купила себе сапоги и норковую шубу. Позже я ему рассказала, что я знаю и Свету, и Риту, и других. Однажды мы со Светой встретились с ним вместе. Он повел нас двоих в спальню, но я тогда не смогла, т.к. мне было противно, что он смеет при мне ласкать и трахать другую. Вскоре мы расстались.

Потом я познакомилась с мальчиком, моим ровесником. Его звали Кирилл. Мы с ним просто гуляли, разговаривали, потом начали целоваться. Однажды, когда он зашел за мной, мы стояли на лестничной площадке и разговаривали. И как-то в разговоре получилось, что мы поспорили или что-то в этом роде, что мы пойдём к нему домой, у него в тот момент никого не было дома, и ...Потом мы трахались, где попало, в парадных, на каких то заброшенных лодках, в подвале, везде. Как животные. Маме он очень нравился. Она говорила, что он очень хороший, аккуратный, вежливый, у него всегда чистая обувь и т.д. Я никогда не испытывала оргазма во время секса, но я не могу сказать, что это мне совсем не нравилось. Очень часто инициатором была я сама, хотя сейчас в это трудно поверить. Пока еще об оргазме я ничего не знала и соответственно не имитировала его. Мы с ним виделись почти каждый день. И все наше общение заключалось в том, как бы и где поебаться. И это я называю самыми чистыми из всех моих связей с мужиками, потому что я была влюблена в него, он был у меня один, я больше ни с кем не встречалась. Так было какое-то время, может пол года, потом стали появляться другие, но с ним мы периодически встречались и занимались сексом. Помню, как я ему сказала,

что мы должны расстаться, у нас был прощальный вечер, у него никого не было дома и мы практически всю ночь трахались. Какая мерзость. Я была такой распущенной блядью.

Я знаю, что очень во многом виновата моя мама. Она мне ничего не объясняла, когда я была маленькая, воспитывала меня как маленькую принцессочку, не зная, что принцесс воспитывают не так. Что так воспитывают шлюх. И я не смогла сама себя воспитать. Теперь приходится это делать Вам, простите меня за это, простите мою мать. Она сама была такая и не могла воспитать что-то другое – более чистое. Мать не хочет, чтобы ее ребенок был лучше и чище ее. Но для меня это урок. Я не буду так воспитывать своих детей, я не хочу, чтобы мои дети прошли через всю ту грязь, через которую прошла я. Не хочу, чтобы они были блядьми, хочу, чтобы они выросли сильными и чистыми, с добрыми сердцами. Чтобы они были похожи на Вас.

После Кирилла не помню, в какой все было последовательности. Буду писать то, что буду вспоминать. Как то мы со Светой познакомились с парнями в метро. Все были чуть старше нас. Один из них жил один, Миша, его папа был итальянец, мать жила вместе с ним в Италии. И у него происходили все тусовки. Еще были Слава, Федор, Егор, и Илья, и еще какие-то, но в основном эти. Мы стали с ними общаться, я стала встречаться с Егором. Сам он был смазливенький. Я уже тогда стала всем говорить, что я не знаю, чем занимается мой папа, т.к. мне было неловко общаться с ними и говорить, что мой папа врач. Так вот, я была девушкой этого Егора. Мы с ним спали. Когда он уехал в Париж на 2 недели мы со Светой продолжали тусоваться у Миши. Мы там пили, курили дурь. Ко мне стал приставать Илья и я с ним переспала, будучи пьяной. Потом я переспала с Федором, а потом приехал Егор. И мне не было стыдно. Я продолжала с ними общаться. Потом целовалась с Мишей, но с ним не переспала. Я представляю, как они ко мне все относились. Каждый из этой тусовки пытался со мной потрахаться, но больше я ни с кем не спала, этого было достаточно. Я считала себя очень крутой, а все вокруг относились ко мне как к шлюхе, хотя в глаза ничего не говорили. Потом перестала с ними общаться. Но, когда стала употреблять героин, опять столкнулась с Егором и Славой, т.к. Слава продавал героин, а Егор кололся. И я опять с ним ебалась. Он сказал своей маме, что собирается на мне жениться, он всем об этом рассказывал. Помню, в каком ужасе была его мать от этого. Но вся эта эпопея длилась недолго. Он спился или снаркоманился, я не знаю.

Однажды я шла по улице, я только недавно приехала из Англии, я тогда носила детские платица, гольфы и туфельки, считала, что это круто. Я шла домой. Остановилась какая-то машина, там сидело человек 5 мужчин, и один из них хотел познакомиться, он проехал за мной до дома, там вышел и мы познакомились. Это был Григорий Владимирович. Из всей моей жизни самый приличный человек. Ему было лет 40, бывший учитель, с музыкальным образованием. Его бросила жена и он окупился в тусовку, в музыку. Его жена София, которую он любил, которую он сам сотворил, сделал ее из деревенской бабы в симпатичную женщину. У них было двое детей. А она променяла его на какого-то бандита. Мне было с ним очень интересно, он много знал, научил меня, как нужно одеваться, вести себя. Все это происходило на фоне клубов и наркотиков. С ним я постоянно имитировала оргазм, чтобы он поскорее отстал от меня. Он снимал квартиру недалеко от меня и я часто прогуливалась у него уроки. В их тусовке еще были художники, разные музыканты и т. д.

Как-то раз я переходила дорогу, остановилась какая-то дорогая машина, там сидело 2 отморозка. Они предложили подвезти. Я согласилась. Стала им рассказывать, что я уже 3 суток не была дома, все ходила по клубам, тусовалась, что не спала. Хотя этого не было и таблеток, которые жрут в клубах, я еще не пробовала. Но мне казалось, что это очень круто. Они предложили таблетку. Мне было очень интересно попробовать, но я сказала нет. Они оставили телефон и сказали, что если передумаю, позвоню. Ко мне приехала подружка и мы им позвонили. Они приехали и дали нам по таблетке. Повезли нас к себе домой. Один из них увел меня в комнату, а Маша с другим осталась в другой. Он включил музыку, на меня начали действовать наркотики, появилась какая-то эйфория, все стало таким красочным. Он спросил: «ну что, действует?», я сказала, что да. Тогда он сказал, чтобы я ему сделала минет и лег на кровать. Мне не хотелось. Он встал, опустил меня на колени и отъебал в рот. Потом они дали нам деньги на такси и отправили домой. Я была уверена, что с Машей было все то же самое, но она сказала, что ее никто не трогал, она просто смотрела журналы. Она не была такой как я, она была чище. А я все продолжала себя считать очень кайфовой. Как все это мерзко, но тогда мне не было мерзко от себя, просто была обида на то, что меня заставили сделать минет, никаких поцелуев, никакой романтики. Хотя другого я не заслуживала.

Как-то раз мы всей компанией поехали купаться, а к ребятам приехал один супермен из столицы. Он мне очень понравился, я ему тоже. Потом он уехал, и я «страдала» по нему, говорила подружкам, что «хочу его». Потом как-то мы с ним пересеклись и переспали, об этом вскоре все узнали. Маме он очень нравился, т.к. он был вежливый, аккуратный и т.д. Но долго я с ним встречаться не смогла, он был очень приставучий. Когда мы с ним встречались, я переспала с Олегом из той же компании, причем это было так мерзко. Я сама ему навязалась, приехала к нему. Он оттрахал меня и уснул. Отношение как к унитазу, в который спускают свои испражнения. Какое говно. А я так и продолжала себя считать супер-пупер. И я вернулась к Григорию Владимировичу. Как мне было не стыдно смотреть ему в глаза! Он меня простил, но не думаю, что относиться он стал ко мне лучше после такого откровенного предательства.

Я понимаю сейчас, что для Григория Владимировича я была средством, чтобы заглушить боль от предательства жены, за это он пытался дать мне что-то, пытался научить чему-то. А в благодарность за это получил нож в спину. Потом мы с ним расстались. Видела его как-то на вечеринке, он женился, был со своей женой. Мне показался странным его выбор, это была дама лет 40-45, очень безличная, спокойная, серая. Я теперь понимаю, что она была лучше всех, присутствующих на вечеринке, она была человеком, а не монстром. Долго он с ней не прожил. Почему-то мужчин больше тянет на сук, и чем она хуже, тем для них лучше. Мне не жалко ни одну женщину в мире, что бы с ней ни произошло. Жалко мужчин, т.к. они не понимают, с кем имеют дело. Не понимают того, что за маской незащищенности, слабости, невинности сидит кровожадное чудовище, готовое в любой момент воткнуть нож в спину и высосать всю кровь и пойти дальше, искать новую жертву.

Однажды познакомилась с каким-то фотографом, он пригласил меня на конные соревнования, он должен был быть там по работе. Мы поехали туда вместе с его другом. Я оделась как блядь какая-то: короткая куртка, обтягивающие брючки и сапоги на высоких каблучищах. Я ужасно замерзла. Потом мы поехали к его другу домой. Мне его друг понравился больше, чем он

и я осталась у него. У меня поднялась температура. Он начал меня раздевать и уложил в кровать, стал целовать меня между ног. Его я встретила позже, года 2 назад, он был с приятелем Толи, с которым я жила. Представляю, что он ему рассказал обо мне. Господи, ну почему я была такая?!

Моя подружка, Света, познакомилась у себя во дворе с ребятами, она просто с ними общалась. Они рассказали ей, что у них есть знакомый, который очень похож на нее. Но он тогда был где-то, и когда он приехал, они познакомились и стали встречаться друг с другом. Они влюбились друг друга. Света говорила, что, если они расстанутся, то она умрет или уйдет в монастырь. У этого парня был друг, Боря. И они решили нас познакомить. Мне он понравился, я ему тоже. И мы стали общаться все вместе. Ездили вместе купаться, гуляли вместе. Они тогда употребляли всякие наркотики, но не всегда, просто баловались. Все было нормально, но потом я начала увлекаться наркотиками тоже. Я стала нюхать героин, но не кололась. Однажды мы с Борей сильно поругались. Я очень была расстроена и зла на него. Через день я узнала, что он разбился на мотоцикле. Он был в реанимации в критическом состоянии. Врачи говорили, что он вряд ли выживет. Я знала, что я в этом виновата. Я всю ночь молилась, чтобы он выжил. И он выжил.

Когда Боря вышел из больницы, мы продолжали с ним встречаться. Мне нравилось общаться с его мамой, наверно, больше, чем с ним самим. Как-то раз у нее был день рождения, я оказалась одна в комнате. Ко мне подошел ее друг и стал делать мне довольно однозначные намеки, хотя он знал, что я встречаюсь с Борей. Неужели у меня на лбу было написано, что я шлюха! Все это видели кроме меня. Я на все закрывала глаза, я не хотела об этом думать, да я и не думала. Это было ужасно. Однажды, он уехал куда-то с отцом, он занимался продажей машин. Он попросил Свету и ее друга не бросать меня, брать с собой. И мы гуляли втроем. С другом Светы мне было легко, мы с ним болтали, как с подружкой. Когда мы гуляли, он постоянно пытался быть ближе ко мне. Тогда мне с Борей было скучно, я постоянно говорила ему, что нам не о чем друг с другом разговаривать и т.д. А с этим парнем было легко, мы разговаривали на одном языке. Однажды мы пошли гулять вместе без Светы, и я выложила ему всю правду о ней. Я рассказала, что Света спит с другими. Я их развела и стала встречаться с ним. Но долго мы встречаться не смогли, т.к. он оказался капризной девочкой. А я на тот момент тоже ей была. Две капризные девочки не могут быть вместе. В сексе я почти всегда на тот момент занимала пассивную позицию, он тоже. Мы очень быстро разбежались.

Света плотно подседа на иглу, причем 1ый раз я ее уколола. Стала заниматься проституцией, воровала из дома вещи. Потом поехала заниматься проституцией в Турцию. Вскоре умерла ее мама. Отец остался с маленькой дочкой. Света вернулась обратно домой. Она все продолжала употреблять героин. Ее бывший тоже подсел на иглу. Чем все это закончилось, не знаю.

Боже мой, сколько жизней я сломала. Какая я тварь. Я ведь могла всего этого не делать. У меня ведь могла быть совесть, но ее у меня не было, не было и стыда. Я была бессовестной сучкой. Ненавижу себя за всю свое блядское существование. Ну почему я так поступала? Что меня толкало на такие вещи?

Я, как и многие, практически не помню своего детства. Я поняла почему. До тех пор, пока у девочки не начинаются критические дни, она привязана к матери. Мать, в свою очередь, за это время должна заложить в ребенка какие-то основы, опираясь на которые, после отрыва от матери, ребенок начинает действовать самостоятельно. В меня не было заложено ничего. Просто белый

лист. И, оторвавшись от матери, меня понесло. Т.к. единственное, что мне дала мать, это тот ком дерьма, который она собрала за свою жизнь. Да, все так. Но почему я не стала другой. Я ведь сильнее своей мамы. Почему я не решила, что я не буду такой же, как она, почему я не решила для себя, что я буду другой? Почему? Я пока не могу этого понять, но мне очень хочется разобраться в этом. Где была допущена основная ошибка, из-за которой все понеслось по наклонной вниз? Я не хочу обвинять мать, то, что она сделала, это ее ошибка, за которую она получит наказание. Об этом пусть думает она, это ее долги. Но что я изначально сделала не так и почему? Как мне найти ответы на эти вопросы?

Потом я опять вернулась к Боре, он меня простил, но у нас как-то все не клеилось. Он не мог понять, зачем я все рассказала другу Светы и вдобавок еще с ним переспала. Мне казалось, что я его очень люблю. Бред. Когда любят, так не поступают. Я никого не любила в жизни. Мы как-то раз гуляли вместе с Борей и моей подружкой Яной. Я трахалась еще с одним парнем, о нем потом. Он в этот день должен был позвонить мне, и мы договорились встретиться. Он позвонил, когда мы гуляли, я сказала Боре, что мне пора домой и поехала к этому мальчику. Боря звонил мне домой, но меня дома не было. Он очень расстроился и после этого не хотел встречаться. Я ему названивала, говорила, что люблю, но он не хотел меня видеть. Сейчас я понимаю, что меня просто задело очень сильно, что не я бросила, а меня бросили. И я потом очень долго была уверена, что это единственный человек в жизни, которого я по-настоящему любила. А это была всего лишь ущемленная гордыня. Потом я видела его как-то в клубе с его девушкой. Мы были с Викой. Он был в героине. Не знаю, справился ли он с наркотиками или нет.

Последний раз видела его у себя дома. Мы были у меня одни с Викторией и он почему-то позвонил мне, хотя мы уже 100 лет не виделись. Он приехал к нам. Он остался ночевать. Мы с ним переспали. После я его не видела.

Вспомнила еще один намерзший момент. Мы с Яной сильно напились и не могли поймать такси до дома. Остановился какой-то джип, там сидел мужчина. Он понял, что мы пьяные. Предложил подвезти. Яна меня бросила, а он меня отвез к себе домой. Отмачивал меня в ванной, отпаивал чаем. А потом стал меня целовать между ног, говорил, что оргазм отрезвляет, что трахаться со мной он не будет. Когда я пришла в себя, он отвез меня домой. Потом я его встретила с Викторией, она его тоже знала. Он был каким-то гонщиком. Господи, сколько еще мне предстоит выкопать из себя этого говна. Я даже не представляла, что у меня в жизни было столько мужиков. Хочется содрать с себя всю кожу, чтобы ничего не осталось. Как мне смотреть людям в глаза после всей этой чернухи? А ведь это далеко не все. Почему мне мама не рассказывала, что нельзя так делать, что нельзя быть шлюхой, нельзя думать только о себе. Почему не говорила, что нельзя встречаться с несколькими мужиками, что должен быть один единственный. Почему я сама не думала о себе и о других? Почему?

Когда я перешла из одной школы в другую, со мной вместе перешла еще одна девочка, Галя. Ее мама была татарка, а папа фин. Мы с ней считали себя очень крутыми. Но постепенно влились в коллектив. С девочками практически не общались. Общались только с ребятами. История проходила у нас в другой школе и там нам нравились 2 мальчика, какие-то гопники. Мы с ними познакомились, обменялись телефонами. Я встретила с одним из них, он был из очень бедной семьи, его родители пили. Мы пошли к нему домой, это был

какой-то ужас. Мы начали заниматься сексом, но у нас ничего не получилось. Больше я с ним не встречалась.

В нашем классе был такой мальчик Петя, он был местным плейбоем. Мы с ним сдружились. У него был брат, Рома. Мы с ним познакомились и стали встречаться. Мы трахались с ним везде. У меня дома, когда родители были дома, в парадных, на улице, в машине и т.д. У Пети была подруга Яна. С Петей мы тоже ебались. И я тогда думала, что он ничего не рассказывал своему брату. Мы с ней познакомились и сдружились. Мы с ней очень много пили, потом вместе нюхали героин. Она познакомила меня со своими друзьями. Был такой мальчик Сева, он продавал наркотики. Я стала с ним трахаться. Как все мерзко. Потом из Японии приехал приятель Ярослав, он там жил несколько лет. Я стала с ним спать.

Потом получалось так, что Яна с кем - то знакомилась, начинала встречаться и знакомила меня, а я почти со всеми спала. В какую бы компанию я не попадала, очень скоро все в ней считали меня шлюхой, потому что я спала со всеми, кто мне нравится. У меня не было ни морали, ни стыда, ни совести.

Был такой случай, когда мы трахались втроем с Яной и Петей. Мы нанюхались, стали целоваться и обниматься. Потом он стал по очереди трахать то меня, то Яну. Как противно.

У Яны был день рождения, и она много людей туда пригласила, в том числе своего парня с его другом. Мне его друг понравился, я ему тоже. И при всех я с ним целовалась, хотя там был и Рома, и Сева, и Ярослав и другие. Такое откровенное блядство.

Когда мой блядский путь еще только начинался, меня еще отправляли в деревню к бабушке, где все друг друга знают. И там я умудрилась «прославить» себя. Мы там ходили, гуляли с Катей, дочкой маминой подруги Гали. Мы познакомились с парнями. Но мы же были из города, мы же были крутыми. С одним из них я поехала к нему на дачу, где мы с ним ебались. После этого я не хотела его видеть. Было противно. Другим летом, я переспала еще с одним.

Однажды мы с Ромой были в клубе, играли в бильярд. Я там увидела мальчика, который вместе со мной поступал в университет. Я поздоровалась с ним. Он был с другом, они пригласили нас с Ромой к себе за столик. Мы сидели, болтали. Этот мальчик, его звали Вася, предложил нам что-нибудь выпить. Спокойно, при Роме, обменялись телефонами. Потом созвонились и я стала и с ним встречаться. Потом оказалось, что он знает многих моих знакомых. Я часто оставалась у него ночевать. У него была привычка много раз за ночь заниматься сексом. Мне тогда это очень нравилось. Я думаю, что мне нравился не сам секс, а то, что меня хотят. Для меня это было важным. Наверное, потом кто-то ему что-нибудь про меня рассказал, и мы постепенно перестали общаться. Параллельно я еще с кем-то общалась. Практически никогда не было такого, чтобы я встречалась только с одним.

Однажды я познакомилась с одним мужчиной, он чем-то похож на Малинина, его звали Стас. Он водил меня по ресторанам. Он был женат. Он ко мне особо не приставал. Ему просто нравилось появляться где-нибудь с «красивой девушкой». Когда я стала употреблять героин, мы как - то перестали с ним общаться, с ним я не спала. Потом встретились и стали вместе нюхать героин, он платил за наркотики, я была не против, тем более, что ему секс был особо не нужен. Один раз, мы купили героин, и он снял какое-то кафе, где был бильярд, сауна и т. д. Когда я употребляла героин, он меня очень расслаблял, я могла спокойно говорить и делать все, что хотелось, не было никаких проблем.

Я залезла на бильярдный стол, стала показывать стриптиз. Я была голая и мне нравилось танцевать. Кроме нас там никого не было. Этим все и закончилось.

Потом оказалось, что у этого Стаса работал друг Бори. И Боря видел, как он меня подвозил, но я сказала, что это папин знакомый. Как-то раз меня мама довезла до дома Ромы, я шла к нему, он маме тоже нравился. Я переходила через дорогу, и со мной познакомился один мужчина, его звали Антон. Я знакомилась только с теми, у кого были деньги и дорогие машины. Я ему сказала, что иду к подружке, оставила свой телефон. Потом мы созвонились и встретились. Мы в основном с ним гуляли, я ничего не просила. Ему все это очень нравилось. Такая бескорыстная девочка - припевочка. Он в меня влюбился, очень хотел переспать со мной, но у него была семья. Он специально для этого снял квартиру. Я разыгрывала из себя девочку не целованную, что до него у меня был только один мужчина, а на самом деле, на мне клейма ставить было негде. Мы с ним переспали 1 раз. Больше я его не видела.

Когда я училась в школе, туда приходили бывшие выпускники. У нас были дискотеки и они иногда приходили туда. Нам всем очень нравился один мальчик из них, Радион, мы с ними познакомилась, они приходили в школу. Один раз, когда мои родители уехали, я пригласила к себе подружек и этих мальчиков. Им было лет по 18, ко мне пришли несколько девиц. Мы напились, все девочки ушли, а мы с моей подружкой Светой и ребята остались. Я ушла спать, а они дальше пили. Потом один из них пришел и отъебал меня. А Радион пытался приставать к Свете. Но она ему отказала. И под утро он пришел ко мне. Ему же нужно было спустить куда-то, а я сработала безотказным унитазом. Как так можно было жить? Я не понимаю. Я готова была трахаться с кем угодно, и когда угодно, и где угодно. И я не знаю почему. Это называется нимфоманией. Но я ни разу не задавала себе вопроса: «зачем я это делаю, для чего, почему». Мне не приходило в голову, что так нельзя, что я превратила себя в такую проблядь, что это бросалось в глаза. Я все падала и падала и я не понимала этого. Почему я ничего не понимала, почему никто не подсказал? Почему? Мне так совестно.

Ко мне постоянно приходил один мальчик, Коля. Он жил со мной в одном доме. Он был чуть старше меня. Я ему нравилась, но он думал, что я хорошая и просто со мной общался. Я тогда об этом не думала, я не знала зачем он ко мне ходит. Однажды мы шли с ним по улице, и я стала ему рассказывать про какого-то своего мужика. Он тогда очень расстроился и перестал ко мне ходить. Потом мы со Светой стали ходить к нему в гости. Он жил вместе со старшей сестрой. Иногда они нас не пускали, иногда пускали. Они знали тех ребят, которые были у меня дома, когда не было родителей. Но я об этом тоже не думала. Потом я стала употреблять наркотики, Коля стал смотреть на меня как на грязь какую-то. Я иногда оставалась ночевать у них, но меня никто не трогал. Однажды, после театра, упоротая в хлам, я приехала к нему ночевать, домой не хотелось идти. Мы легли спать в одну кровать. Он стал ко мне приставать, он сказал: «только целоваться я с тобой не буду», он просто меня отъебал сзади, а я орала, как кошка в мае. Я считала, что чем больше стонов я издаю, тем лучше. Утром я ушла домой. На следующий день его посадили. Вышел он недавно. Я с ним виделась, я уже стала настоящей кобылой, дорогая одежда и т. д. Хотелось выпендриться. Какая же я была тварь. В душе чернота, а так – блядь дешевая, которая строит из себя девочку-припевочку. Гадина.

Один раз я шла по улице, была одета ужасно: очень короткая юбка, босоножки на очень высокой платформе, платок на голове, солнцезащитные

очки и какая-то футболочка. Остановилась какая-то очень навороченная машина, в которой сидели 2 отморозка, обменялись телефонами, я им в тот же день позвонила. Знакомился со мной один, а второй не знаю, для чего был. Они заехали за мной. Привезли меня на какую-то квартиру, один уехал, а другой остался и попытался ко мне приставать, но я не согласилась, он настаивать не стал. Мне хотелось уйти, но это оказалось невозможным, а может, просто плохо пыталась. Я думала, что сейчас приедет тот и мы куда-нибудь уедем отсюда. Но все оказалось не так. Он приехал и стал требовать, чтобы я с ним переспала, я начала плакать, нести всякую чушь. Я помню, он спросил: «а зачем ты тогда сюда приехала, чего ты ожидала?» Я редела и говорила, что хочу домой. Это продолжалось долго. Они могли меня изнасиловать, избить, сделать все, что угодно, но, наверное, им не хотелось мараться об такое говно, как я. Они меня вышвырнули, у меня не было денег, и я не знала, где именно я нахожусь. Я остановила машину и попросила, чтобы меня довезли до ближайшего метро. Мужчина согласился, спросил, что случилось. Я сказала со слезами на глазах, что меня чуть не изнасиловали и т.д., я сама искренне верила, что так оно и есть, что они плохие, а я – хорошая. Как же я ошибалась. Я всех провоцировала своим поведением, одеждой, я как бы говорила: «ебите меня, пожалуйста, спускайте в меня все, кто хочет». Но ни один нормальный мужчина не подошел бы ко мне, я была грязной шлюхой. В конечном итоге, этот мужчина пожалел бедную девочку и довез до дома. На следующий день я об этом не помнила.

Я в очередной раз украла у папы деньги перед новым годом и ушла из дома, познакомилась с каким-то мужчиной и поехала с ним отмечать новый год. Я была в красном коротком вечернем платье и в какой-то задрипанной коротенькой курточке, у меня были длинные черные волосы, выглядела, как дешевая блядь. Мы поехали к его друзьям в загородный домик. Там все были в спокойной одежде, в свитерах, джинсах. Я была не в своей тарелке. Там все были состоятельные взрослые люди и смотрели на меня как на потаскуху, какой я и была. Мне было очень дискомфортно и мы вскоре уехали. Мы заехали еще к одним его знакомым, это была семейная пара. Он увлекался творчеством Тарковского. Так как я считала себя очень умной, то что-то ляпнула по этому поводу. Он так на меня посмотрел, что хотелось провалиться сквозь землю. Потом мы поехали в гостиницу. В номере мы легли с ним на разные кровати, мне хотелось спать, но он начал ко мне приставать, мне это не нравилось, но какой-то секс у нас был. Утром я сказала ему, что я ушла из дома. Он предложил мне помириться с родителями и отвез меня домой. В общем, все нормальные люди старались со мной не общаться, их коробило от меня. Я только сейчас это понимаю, а тогда я этого не видела. Как глупо закрывать на это глаза. И к чему это привело....

Помню, я однажды ехала на такси, частнике. По дороге он меня спрашивал, в какой форме мне больше нравится общаться с мужчинами. Я не поняла вопроса. Он настаивал на ответе. Он спросил: «в устной, в ... или в форме», (я точно не помню, как это звучало). Я не поняла, о чем он говорит, и сказала, что мне нравится разговаривать. Я не знала о чем речь, но поняла это позже. Он довез меня почти до места и остановился около гаражей. Сказал, что нужно расплатиться и начал расстегивать штаны. Я испугалась. А он не мог понять почему, ведь я же сама сказала, что в устной форме, значит минет. Я была в шоке, я отдала ему деньги за то, что он меня вез, и бежала сломя голову. Мне и в этом случае показали, как ко мне относятся люди. Только я так ничего тогда и не поняла.

Потом я познакомилась с одним мальчиком, он был из несостоятельной семьи. Он пригласил меня в кино, перед этим я «вмазалась» героинном. Мы с ним сели на последний ряд и стали целоваться, а потом я расстегнула ему штаны, вынула его член и села на него. На нас никто не обращал внимания и мы трахались на заднем ряду, когда закончили, не стали досматривать фильм и ушли. Он потом мне звонил, но я с ним не стала общаться, ведь у него не было денег.

Я воровала у отца деньги, они лежали у него в письменном столе. Я «брала» у него деньги на клубы и одежду. Потом на наркотики, потом на героин. Он стал прятать деньги, но в рубашке, в кармане они всегда были, и я стала воровать оттуда. Когда никого не было в спальне, я шла туда с дрожащими руками и сильно бьющимся сердцем доставала деньги, брала их и уходила. Как противно от себя самой. Папа конечно же замечал, говорил маме. Маме я с честными глазами говорила, что я не беру их, что за кого они меня принимают, что отец совсем помешался на деньгах и т.д. Сначала мама мне верила. Потом, наверное, поняла

Однажды в клубе я познакомилась с мальчиком Вовой, он продавал наркотики. Он жил с мамой, у мамы был какой-то мужчина, который их обеспечивал. Потом оказалось, что этот мужчина друг Толи. Но об этом потом. Мы стали с ним встречаться. Он оставался иногда у меня ночевать. Он был моим ровесником. Мы с ним тоже трахались, где попало. Было и в клубных туалетах, и везде «сзади без поцелуев». Мы с ним вместе стали нюхать героин. Помимо него у меня были еще какие-то связи. У него был друг, Эрик, он тоже продавал наркотики, но более крупными партиями. У него была безумная мама, которая помогала ему их взвешивать и распаковывать. Однажды мы с ним с Вовой встретились, и он предложил нам попробовать уколоться, что это намного кайфовее. И мы согласились. Это было в туалете Эрмитажа. Он уколол меня, и после этого нюхать не хотелось, хотелось колоться. Потом я предложила уколоться Свете и она согласилась. Мы стали покупать героин у Вовы. Один раз мы ночевали у Светы и пригласили Эрика. Мы стали с ним встречаться. С ним я стала колоться каждый день. Мы кололись и трахались. Он тоже ночевал у меня дома, родители разрешали.

Я познакомилась в клубе с одним мальчиком, его звали тоже Вова. Мы сидели и разговаривали, он мне рассказывал, что ему надоело, что родители все за него решают, что не дают ему свободы, они были очень состоятельные в финансовом плане. Я пела что-то подобное ему. Обменялись телефонами и потом встретились. Переспали с ним 1 раз у меня дома. Наше общение не продлилось долго, оказалось, что он знает Егора. Они общались, не знаю, что он ему сказал. Он был очень добрый и наивный. Какая же я дрянь. В следующую нашу встречу я ему сказала, что я люблю другого, и мы не можем больше встречаться. Он плакал. Он не понимал, как ему повезло, что мы расстались. Больше его я не видела.

Еще у меня была подружка Фаина. У нее было очень много амбиций, но молодой человек у нее был не богат, они жили у его мамы в коммунальной квартире. Они познакомили меня со своим другом. И мы начали встречаться. Господи, сколько их было! Все началось с того, что мы были в гостях у Яны. Там были Фаина со своим парнем, их друг Паша, я и Ян. Яне Паша нравился. Но так получилось, что спать с ним мы легли вместе. Мы не трахались, но после этого стали встречаться. Денег у него не было. Мы встречались и трахались. У него был какой-то друг, и один раз я с ним целовалась при Паше. Потом мы как-

то с Яной сидели в баре, нам было скучно, мы позвонили Паше, он приехал со своим другом. Какое блядство. Когда я захотела расстаться с Пашей, он этого не хотел и ничего не понимал. Тогда мы все поехали к Яне, я легла спать не с Пашей, а с его другом, он уехал, а я трахалась с его приятелем. Он лежал, а я на нем прыгала. Ему было все равно. Господи, какой стыд. После я их больше не видела.

Как-то раз меня Рита из нашего класса пригласила встретиться с ее знакомыми, и я согласилась. Они пригласили нас в баню, и мы поехали. О чем я тогда думала, что нас везут там помыть и попарить? Как тупо. Нас везли туда отъебать. Но этого не хотелось. Хотелось сходить в баню, а всего остального не хотелось. Сначала они нас парили. А потом один из них стал приставать ко мне в бассейне, я смеялась и убегала от него. Он был в возбужденном состоянии, он пытался меня поймать, а я убегала. Когда он касался меня своим членом, мне было и приятно и противно одновременно. Потом я вырвалась от него и убежала к Рите с другом, они пили пиво. Так ничего и не было. Как все это мерзко.

Яна стала встречаться с мальчиком из класса своего брата, она была в 10 классе. Яна была старше меня на пару лет. Ее мальчика звали Костя. Однажды мы все вместе поехали в гости к его другу. Его отец какой-то бизнесмен. Он был на пару лет младше меня, он был очень низкого роста и очень худой, но очень веселый. Его родители никуда не пускали, он занимался музыкой, играл на скрипке, не пил, не курил. Мы остались там ночевать. Яна и Костя пошли в одну комнату, а мы в другую. Мы легли в кровать, он стал ко мне приставать, мы с ним целовались. Но когда он попытался засунуть в меня свой член, я стала сопротивляться. Сопровивлялась я недолго, и я с ним переспала. Потом мы как-то ездили к нему за город, он всем говорил, что я его девушка и мне это льстило. Больше мы с ним не виделись. В той же компании был мальчик Гоша, он писал очень красивые философские стихи и музыку на них, он тоже играл на фортепиано. Он был не в моем вкусе, но с ним было очень интересно разговаривать, точнее, слушать его. Как-то мы лежали втроем на кровати у Яны, смотрели телевизор. Яна пыталась к нему приставать, они целовались, но я не обращала на них внимания. Это был героинный период. Потом Яна стала к нему приставать, но он не хотел ее, он хотел меня. Она обиделась и отвернулась спать. А он стал ласкать меня под одеялом, я тогда очень возбудилась и мы трахались очень тихо, чтобы не разбудить Яну, и это возбуждало еще сильнее. Утром Яна уехала, а мы остались. Мы не вылезали целый день из кровати, разговаривали, трахались, а к вечеру у меня поднялась высокая температура и сильно болел живот, я поехала домой. Потом мы опять встретились и делали «это» в парадной. Трахаться в подъездах для меня не было экзотикой, мне это нравилось, в этом у меня был опыт. Как все это мерзко, как сучка во время течки, как кошка в марте. Ненавижу. Больше я его не видела. Но в этой компании меня тоже стали считать блядью. Только одна я не хотела этого видеть.

До этого я лежала в наркологической больнице. Сын знакомых родителей там лежал, он сказал, что это очень круто и меня туда тоже положили. В этой больнице тусовался какой-то мужчина, он продавал таблетки или покупал их в больнице. Я была в невменяемом состоянии, но как-то умудрилась с ним познакомиться. Как противно. Когда меня выписывали, моя соседка по палате позвала меня в туалет и сделала мне дорожку героина на прощание, я не понимала, что я делаю и снюхала ее. Когда я лежала в больнице

эта же соседка дала мне какие-то снотворные на ночь, и я их съела. Ночью у меня была клиническая смерть, еле откачали. Но я тогда не понимала всех этих предупреждений. Я была таким тупым животным.

Потом, Ваш ученик, Степан Егорович, помог мне выбраться из всего этого говна и познакомил меня с Викой. Две шлюшки. Все, что он рассказывал, было так интересно, но я не думала о том, что нужно меняться, что нужно что-то делать. Ведь я не считала себя блядью. Один раз мы с Викторией пили пиво у нее в общежитии, к ней заехал ее однокурсник, сынок богатых родителей, он привез спид (бодрящий наркотик), он предложил нам, мы не отказались. Мы издевались над ним, рассказывали ему всякие страшные истории. Потом он повез меня домой и предложил заехать в кафе, потом мы сидели в машине, болтали. Я ему рассказывала про половинки. Он подумал, что я его половинка, я не сказала ни да, ни нет. Это было так подло. У нас с ним ничего не было. Он сказал, что если бы хотел, то давно бы это сделал. Я его видела еще раз. Мне кажется, что он нас с Викторией принимал за сумасшедших блядей.

Потом мы с Викторией поехали в гости к ее знакомому, она у него раньше убиралась. Это был Толя. У него тогда были друзья. Одну из девочек я знала через Яну. Везде вылезали знакомые люди, уже тогда этого не хотелось. Может быть пробивался стыд. Мы выпивали, играли в карты, потом поехали играть в боулинг. Мы много выпили и остались ночевать у Толи. Мы легли на одну кровать, он не собирался к нам приставать. Мы хотели положить его посередине, но он лег с краю, около меня. Мы заснули, ночью я его обняла, не осознавая этого, просто так. Его зацепило то, что я его ночью обняла. Вика утром уехала, а я осталась. Мы с ним целовались, потом я пошла в душ. А он понял это как намек и пришел ко мне, он меня мыл всю и потом начал ласкать меня между ног. Потом мы вышли из душа и легли в кровать, я его стеснялась, но он был терпелив, мы переспали. Мы стали с ним встречаться, постепенно я стала оставлять у него свои вещи. Я тогда начала учиться в институте. Он возился со мной, как папа. Потом мне стало больно с ним трахаться, у меня были ужасно сильные боли внизу живота. Я была беременна. Он ходил со мной по врачам, сидел везде со мной. Когда выяснилось, что у меня уреоплазма, и была опасность, что ребенок может родиться с дефектами, он решил, что мы сделаем аборт. Я не хотела, плакала. Но, слава Богу, мы сделали аборт. Я помню, как, когда мне делали наркоз, я видела кровавую воронку, а потом ничего не помню. Тяжело отходила от наркоза, все время плакала. Не вставала с кровати. Он привез мне подарок, красивое платье. Было противно. Потом все прошло. С Толей мы часто занимались сексом, мне нравилось то, что он умел ласкать мой клитор языком и рукой, и доводить меня до оргазма, правда, до клиторального. Мы с ним часто ругались. Сам секс меня не интересовал, мне нравился экстрим.

Как-то мы поехали на день рождения к знакомым.. Я специально для него не стала одевать нижнее белье, я была в голубом вечернем платье, довольно откровенном, с огромным вырезом на груди. Он меня фотографировал и я специально раздвигала ноги, чтобы была видна моя пи..а. Фотоаппарат был не его, фотографии проявлял его друг. Все фотографии я забрала к себе, но негативы остались.

Еще забыла. За мной ухаживал один мальчик из приличной семьи, Федор. Его мама была зоологом на пенсии и преподавала, отец был учитель. Он был похож на голубя. Он был во вкусе мамы, вежливый, аккуратный и т.д. мне он не очень нравился, но мне нравилось быть у него в гостях, общаться с его

мамой. Однажды мы с ним целовались, мне было не приятно. А он был из тусовки моих школьных парней, но на тот момент ни он, ни я с ними не общались. У него был друг Женя, он был барменом, мне он очень нравился. Я все время просила Федора пригласить Женю. Как-то я пошла в клуб и обьяелась там таблетками, а под таблетками лицо превращается в дебильную морду. Они должны были за мной заехать, они заехали, но я сказала, что я буду тусоваться и приеду к ним (домой к Федору) позже. Им было противно смотреть на меня и они уехали. Один раз мы втроем были на вечеринке и потом поехали домой к Федору, было поздно, очень хотелось спать. Федор заснул, я тоже засыпала и Женя стал ко мне приставать. Я сказала, что хочу спать, а он предложил мне таблетку. Я ее съела, и сон пропал. Потом стали целоваться и ебаться. Федор проснулся и увидел все это. Стал ругаться. Было противно. Представляю, как было противно ему. После этого мы с ним перестали общаться.

Когда я училась в институте, я познакомилась с Настей. Она сказала мне, что была в меня влюблена. Однажды, когда мы были у меня, были пьяные, она стала со мной целоваться, потом перешла с моих губ на живот и ниже. Она меня целовала между ног и довела меня до оргазма. Такое было еще один раз.

В институте, еще я общалась с Цацыным. Мы с ним и с его подружкой поехали в Грецию. Мы там много пили. Познакомились с двумя семейными парами и отдыхали вместе с ними. Мне нравился один мужчина и в конечном итоге мы оказались с ним в кровати, но секса не было. Потом мы встретились, поужинали и разошлись.

Когда мы стали встречаться с Сергеем, он знакомил меня со своими друзьями, и с одним из них я открыто при нем заигрывала. Потом он куда-то уехал и оставил мне ключи от квартиры, я переехала к нему. Мы с ним везде занимались сексом, но постепенно я к нему остыла.

Один раз мы с Сергеем пошли на вечеринку, мы там прилично выпили. Я стала танцевать с какой-то кобылой, потом пригласила ее к нам в гости. Сергей пошел спать, а мы сидели на кухне и пили шампанское. Потом тоже пошли спать. Я не собиралась ничего творить, просто спать. Когда мы легли, Сергей как-то очень быстро проснулся и стал с ней трахаться. Я устроила истерику. Как же так, мой мужчина при мне имеет какую-то блядь. А он оказывается хотел мне сделать приятно, что я этого хотела, что сам бы он не стал, ну и порол подобную чушь. Я сама была в этом виновата. Думаю, что если бы он стал целовать меня, а не ее, я бы против ее участия не была бы.

Однажды, когда я получила свои фотографии из ателье, я ловила машину, и остановился какой-то Мерседес. Мальчик предложил меня довезти, и я согласилась, показала ему свои фотографии, мы стали встречаться. До него сложно было дозвониться, он иногда не мог. Потом оказалось, что он был женат. Мы с ним встречались у Лены. Один раз, когда мы с ним ебались, вошла Лена и стала его целовать, он отмахнулся от нее. Она стала говорить: «давай, трахай ее, давай». Как же все это мерзко. Я даже один раз целовала ее между ног, она громко кричала и быстро кончила. Потом мы с этим мальчиком, его звали Вова, поехали к Сергею домой, его дома не было, а у меня были ключи от его квартиры. Я сказала, что живу одна. Мы с ним трахались вечером и утром. Потом я еле его выпроводила.

Мне было наплевать на Сергея и я развела его на квартиру, а затем получилось так, что он погиб.

После этого, я поехала с одной из известных в городе кобыл Раисой в Египет. Там в последний день мы познакомились с Калимом. Мы сильно

напились, пошли на дискотеку. Потом пошли вместе с Раисой на море, она предложила раздеться и искупаться. Я согласилась, но Калим сказал мне, что пусть Раиса делает что угодно, а мне он раздеваться не разрешает. Я была в шоке от такого заявления, но мне это понравилось. Раиса пошла споть, а мы гуляли и целовались. Он пригласил меня к себе в номер, я не соглашалась и мы просто целовались около его домика. Потом зашли внутрь. Мы залезли в душ и там мыли друг друга, потом легли в кровать. Я долго не давала ему войти в меня, но он все таки вошел и быстро кончил. Потом мы лежали и разговаривали, мы обменялись телефонами, он проводил меня до номера. Когда мы уезжал, он пришел нас проводить, Раисе я ничего не рассказывала. Мы постоянно переписывались с ним по телефону. Потом он приехал город. Я была с Цацыным и его девушкой. Мы ездили на кораблике, ходили по всяким барам, он за все платил. Пили шампанское из бутылки на улице, в общем, такая «романтика». Потом мы поехали к Цацыну, и мы с ним переспали, мне он нравился. Он приезжал довольно часто, встречался со мной один раз, а потом тусовался с другими друзьями и уезжал. Я всегда брала с собой Цацына с какой-нибудь девицей.

Помню еще один случай, ко мне домой зашел Кирилл, родителей дома не было. Он сказал, что загорал голым и у него обгорел член, я его раздела и стала мазать его кремом после загара, он сильно возбудился, но тут мы услышали, как во двор въехала папина машина, и он быстро убежал.

Нам с Сергеем очень нравился один японский ресторанчик, мы там часто бывали, мне там нравился администратор, я с ним познакомилась и стала заигрывать. Когда я там была без Сергея, я приглашала его за наш столик, и мы болтали. Один раз я его поцеловала, но он все время твердил, что у него есть девушка, что он не может и т.д. Он не сломался, но я знаю, что если бы он захотел, я бы и с ним переспала бы.

Вроде бы все. Я не знаю как за такое короткое время я умудрилась подцепить столько грязи. Нет такого, чего бы я не делала, я имею в виду плохого. Я так низко опустилась, что казалось бы ниже некуда. Хотя, нет, я не трахалась одновременно с несколькими мужиками, но наверное, только потому, что они этого не хотели: мужчины не любят писать одновременно в один унитаз, а срать – тем более! Но все это было до того, как я поняла, что Вы – это мое. Да, это было ужасно, но это было до Вас», - девушка закончила писать свою исповедь. Пять дней она не выходила из своей комнаты и не пускала к себе Нину Ивановну. Лариса, шатаясь, вышла на свежий воздух и побрела к беседке. В комнату дверь осталась открытой: запах прелого пота и сигаретного перегара начал распространяться по дому. Нина Ивановна выскочила во двор. Девушка стояла опершись о столб беседки: она была истощена, лихорадочный румянец, бешенный блеск глаз и вся внутренняя поверхность бедер в крови.

«Господи», - Нина Ивановна кинулась к Ларисину телефону и вызвала «Скорую помощь». Та не замедлила себя ждать и приехала через полтора часа. Врач осмотрел Ларису. Заключение было лаконичным: «Быстро в стационар!». Баба Яга вместе с девушкой и врач, в машине отправились в районную больницу. В приемном покое диагноз прозвучал как приговор:

«Сепсис, гнойно-септическое расплавление матки с придатками». Вопрос об операции стоял однозначно, чтобы спасти жизнь, необходимо было удалить источник инфекции. Экстирпация матки с придатками – был единственный выход, а следовательно: в лучшем случае бездетность, в худшем – смерть.

Лариса металась в беспамятстве. Нина Ивановна молча молилась, она понимала, что слезами делу не помочь.

Операция прошла успешно, через сутки девушка начала приходить в себя. Нина Ивановна не отходила от ее постели. После того, как Лариса поняла, что произошло, единственное, что она смогла проговорить, было:

- Ну вот и все, «дырка» порвалась..., - и дальше, в течение недели не проронила ни слова, как не пыталась ее расшевелить Баба Яга.

Степан Егорович появился через две недели, как и обещал. Подтянутый, загорелый, с огромной дыней в руках:

- Рад видеть тебя живой. Прочитал твою исповедь, одно могу сказать: бывает хуже, но я не встречал. Я думаю, что ни одна бы мать не хотела бы узнать такое про свою дочь, а если бы узнала, то всю жизнь молилась бы о том, что не сделала во время аборт. Самое главное, что нарыв в твоём мозгу лопнул, другими словами: чернуха, которая была внутри тебя вышла наружу. Но ничего не проходит бесследно, за все в жизни нужно платить. Так что, то что ты бездетна, еще маленькая плата за твои поступки. То, что ты решила, что ты моя половина, я думаю, что это очень высокая честь для меня и я недостойн такой награды, но мы об этом еще когда-нибудь поговорим. Больше мучить тебя не буду. Давай, поправляйся и кушай дыню – еще утром, она росла на бахче в Узбекистане.

Лариса смотрела в потолок, глаза блестели от слез.

Послесловие.

Прошел год. Баба Яга работала массажисткой в спортивном комплексе и по вечерам продолжала халтурить. Змей Горыныч был неуловим, но когда был необходим, всегда оказывался рядом. Лариса сдала в наем свои квартиры, бросила институт, поняв, что фельдшерского образования для нее достаточно и работала акушеркой в районной больнице, где ее прооперировали. Она слыла молчаливой, исполнительской, заботливой, будущие мамы в ней души не чаяли. Она часто ходила в детское отделение и со слезами наблюдала за детьми, а по ночам ее мучили кошмары: каждую ночь она рожала, но все это происходило в выгребной яме, заполненной дерьмом и кровью. И, если она в жутких болях, рожала мальчика, то у него было столько голов и членов, сколько у нее в жизни было мужиков. И такой ребенок был похож на монстра-паука, уползающего в толщу ямы; а если рождалась девочка, то был нестерпимый зуд в промежности и у девочки половая щель была от подбородка до ягодич, и широко открывая ее, она захватывала и пережевывала ею Ларису. От этих кошмаров ничего не помогало и девушка спасалась только работой.

PS. Сказки пишут не для развлечения, а чтобы в голове у людей масло не застывало.